

АННА МОРСКАЯ

БАШНЯ ДЕМОНА

Одно желание для переписчицы

Анна Морская

Башня демона. Одно желание для переписчицы

<https://litres.ru/74464292>

Аннотация

Люди не помнят уже, почему лес стал называться Запретным, но в моей семье из поколения в поколение передается легенда о башне, что стоит там и исполняет желания. Меня зовут Талисса Новертон, и я — скриптор, человек, способный воплощать слово в жизнь. Но что толку от столь великой силы, если она неспособна исцелить мое тело, которое пожирает родовое проклятье?

Башню нельзя просить о чем-либо для себя, но я все же отправилась на ее поиски, ведь чернильная смерть поразила и моего племянника. Кто знает, может, мне удастся спасти хотя бы его? Справлюсь ли я, когда узнаю, какая сила исполняет желания людей на самом деле, и почему в моей семье до сих пор помнят, что сделало лес Запретным?

Возможно, в башне я обрету гораздо больше, чем то, зачем пришла изначально.

Однотомник, обязательный ХЭ

В тексте вас ждут:

♥# Сцены 18+ ♥# Разгадка тайн прошлого и сложные выборы в настоящем ♥# Главный мужской герой демон, классический

только на первый взгляд ♥# Чувства вопреки голосу разума ♥#
Авторский магический мир.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	62
Глава 8	68
Глава 9	76
Глава 10	83
Глава 11	88
Глава 12	93
Глава 13	100
Глава 14	107
Глава 15	114
Глава 16	120
Глава 17	125
Глава 18	131
Глава 19	136
Глава 20	142
Глава 21	147
Глава 22	152

Глава 23	158
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Пролог

Как думаете, насколько рано судьба может дать намек о том, что ждет тебя впереди? Предупредить о предстоящих испытаниях и лишениях, о выжигающей, а вовсе не спасающей душу любви, полной обреченности?

Мне кажется, я получила такую подсказку еще в глубоком детстве. Мы просто не умеем их видеть, вот и все, а когда осознаем, становится слишком поздно.

Я сидела на широкой кровати под тяжелым стеганым одеялом, подтянув острые худые коленки к самому подбородку. Оно казалось таким толстым и теплым, что от одного его мягкого давления становилось безопасно и уютно.

Морщинистая рука мягко поправила выбившуюся прядь моих золотистых волос. Из-за пушистых кудряшек, вечно живущих своей жизнью, другие дети дразнились, но бабушка всегда говорила, что это наша семейная черта, и ею нужно гордиться.

— О чем хочешь послушать сегодня? — тихо спросила она, и даже голос ее, надломленный старостью, звучал как колыбельная.

Ничто я не любила так сильно, как этот момент, когда наставала пора ложиться спать, но перед этим обязательно послушать бабушкины истории. Они не были похожи на те, что печатались в нашей семейной типографии — нарочито по-

учительные, тошнотворно добрые и совсем не настоящие.

Бабушкины сказки могли сделать тени на стенах зловещими, а колеблющийся свет свечи уютным и безопасным. И была у меня одна самая любимая.

— Бабуль, хочу про башню в лесу! — с придыханием и восторгом прошептала я.

В уголках бабушкиных прищуренных глаз собрались глубокие морщины.

Она знала, что я всегда прошу рассказать именно эту историю, которую родители запретили упоминать строго-настрого. Но это был наш с ней секрет, тихий заговор двух душ, которые понимают, как мне казалось, намного больше, чем все остальные.

— Про башню, значит, — тихо повторила бабушка, и голос ее зазвучал чуть ниже, будто бы для того, чтобы слова не выбрались за пределы комнаты. — Ну что ж...

Мне почудилось, что одна из теней стала длиннее, вытянулась и изогнулась, принимая очертания неведомого существа, но бабушка задержала на ней взгляд, и та тут же съехала. А может, все это нарисовало только лишь богатое детское воображение.

— Давным-давно, — начала бабуля, и ее голос стал еще тише, настолько, что приходилось, затаив дыхание, ловить каждое слово, — в самом сердце нашего леса появилась высокая башня. Она была настолько огромна, что казалось, верхушкой достигает облаков. Люди забыли, кто ее построил

и зачем, но ходили слухи, что место то исполняет желания, что любой может прийти туда и просить о чем угодно.

— Но с условием, да? — перебила я, прекрасно зная ответ.

Бабушка скрипуче рассмеялась.

— Терпение, звездочка, нетерпеливые свои мечты никогда не исполняют, — погрозила она сухим узловатым пальцем. — Но да, ты права. Просить у башни можно только о других. Запомни это хорошенько.

— Зачем? — я вздернула курносый нос. — Никогда и ни за что я в лес не пойду, бабушка! Я сама все свои желания исполнить смогу, мне не нужна для этого никакая волшебная башня.

— Увы, дорогая, совсем не все мы можем получить трудом и упорством, — улыбнулась бабушка. — Но ты хочешь слушать дальше, или мне уйти?

Испугавшись, что она и правда уйдет, оставив меня наедине с гордо вздернутым носом, я тут же сделала вид, что закрываю рот на замок и выбрасываю ключ.

— То-то же, — по-доброму проворчала бабуля, — Значит-с, чтобы исполнить свое желание, нужно было в башне пройти несколько суровых испытаний. Даже чары не могут дать тебе что-то просто так, Талисса. Мало кто живым домой оттуда возвращался, больше гибли люди. Потому-то про башню все и забыли, стали стороной обходить, страшное рассказывать, и в конце концов лес назвали Запретным,

а почему, уже и не вспомнит никто. Но я-то знаю, мне рассказывала моя бабушка, ей ее, а я передаю это знание тебе. Все из-за башни. Она все еще там, хранит в себе древнее зло и ждет, когда кто-нибудь придет просить о том, чего желает.

Бабушка наклонилась ближе, и в свете свечи ее глаза показались почти такими же рыжими, как пламя.

— Никогда не ходи в лес, Талисса, — произнесла она. — Там гибель, моя звездочка.

— Как же так? — поежилась я. — Разве исполнять желания людей — это плохо?

— Все беды от желаний тех, кто их исполнения не достоин, — поджала морщинистые губы бабушка. — Если ты хочешь узнать, что из себя представляет человек, спроси о чем он мечтает. К сожалению, к таким могущественным силам, как башня в Запретном лесу, обращаются чаще всего отнюдь не из благих намерений.

— Бабушка, — я нахмурила брови и задала вопрос, который мне раньше в голову почему-то не приходил, — а ты бы пошла туда? Если бы нужно было?

Она улыбнулась, но улыбка получилась твердой, будто каменная оболочка, за которой хранятся затаенные боль и разочарование.

— Когда-то я думала об этом, но так и не решилась. Долгие годы корила себя, что не спасла кое-кого. А потом вспомнила все, что мне рассказывала моя бабушка, и поняла, что в том лесу не стоит искать спасения. Это плохое место, звез-

дочка, а мы иногда можем только принять естественный ход вещей.

Я хотела было возразить, в груди заворочалось зудящее несогласие, но бабушка мягко приложила палец к моим губам.

— На сегодня сказок достаточно. Тебе пора спать.

Надув губы, спорить я не стала, знала, что это бесполезно. Бабушка поднялась с края кровати, и ее тень на стене на мгновение стала огромной, почти касаясь потолка. Она подошла к прикроватной тумбочке, где догорала плачущая воском свеча, отбрасывая блики на потрепанный блокнот в кожаном переплете.

Пламя вздрогнуло, когда бабушка приблизилась к нему, и в последний раз колыхнулось, прежде чем исчезнуть с тихим шипением, когда свеча оказалась задута.

Комната погрузилась в полумрак. Бабуля вернулась, чтобы поправить и подоткнуть одеяло, укрывая меня до самого подбородка.

— Спи, моя звездочка, — прошептала она, склонившись надо мной. Обоняния коснулся густой запах лекарственных трав. — И пусть тебе снятся хорошие сны.

Когда бабушка вышла, притворив за собой дверь, сон очень быстро сморил меня, утягивая в темноту, где я долго бродила по Запретному лесу из сказки про башню, и искала ее, но никак не находила.

Мне было семь. Я еще не знала, что это последний год,

когда я смогу слушать бабушкины истории. Не знала, что смерть уже подкралась не только к ней, но и ко мне самой.

Глава 1

Убрав непослушную кудряшку, прилипшую к вспотевшему лбу, я перекинула старую кожаную сумку с одного плеча на другое и с напускной уверенностью произнесла:

— И ничего нет такого в этом лесу. Деревья как деревья, кусты как кусты.

Возможно, в этом поколении я была первой, кто ступил в Запретный лес. Его не зря так называли, с детства всем городским, да и деревенским детям внушали, что это место проклято.

Однако же, сразу за границей высоких деревьев нашлась тропинка. Старая, заросшая, но тем не менее указывающая путь.

Вопрос только куда. Я искренне надеялась, что к башне из бабушкиных сказок, потому что если ее не существует, то все пропало.

В конце концов, я сбежала из дома и отправилась в столь опасное место не просто так. А в том, что в лесу небезопасно, я не сомневалась. Даже если страшные истории о нем лишь выдумка, здесь по-прежнему живут дикие звери, а заблудиться и не найти выход легче легкого.

И все же, у меня была веская причина для того, чтобы оказаться здесь.

Моя семья происходила из древнего рода Новертонов, ко-

гда-то благородных дворян, как рассказывала бабушка. Мне же посчастливилось родиться в эпоху упадка семьи с точки зрения статуса, но зато в годы финансового расцвета.

Титул мы потеряли в незапамятные времена, но чего никто не мог отобрать, так это дар, что несла наша кровь. Новертонов судьба наделила силой, способной вдохнуть жизнь в текст, испокон веков нас называли скрипторами. Один из пяти великих родов, единственный, что сохранился до нашего времени, и потому особенно ценный.

Благодаря этому столетия не стерли имя рода. Становясь членом нашей семьи, человек принимал фамилию Новертон, даже если брал девушку в жены, и их дети могли носить только ее.

Однако не у всех наследников рода просыпался дар, и вне этой священной миссии мы были переписчиками. Веками Новертоны копировали древние манускрипты, сохраняли знания, и без чар вкладывали частицу души в каждую букву. Наши руки знали вес пера, наши глаза различали оттенки чернил, наши сердца чувствовали ритм текста.

Двадцать лет назад все изменилось. Один светлый ум изобрел печатный станок, и к счастью, отец, взяв в жены такую особенную девушку, как моя мама, не был лишен предприимчивости. Он купил несколько станков, обучил работников и открыл семейную типографию.

Дела пошли в гору: книги стали доступнее, грамотность распространялась, словно пожар, город жаждал новых исто-

рий. Но даже в эпоху печати мы не забывали традиций. Каждый ребенок в семье с малых лет учился искусству переписчиков, потому что никто не знал, когда и у кого откроется дар скриптора.

Я не стала исключением. С пяти лет я выводила буквы на пергаменте, училась чувствовать бумагу, подбирать чернила, находить гармонию между формой и смыслом. Пока бабушка, наделенная даром, не сообщила родителям, что внучка, в отличие от матери, родилась скриптором. С тех пор она стала обучать меня лично.

И все шло замечательно, но в восемь лет, в год, когда умерла бабушка, передав мне только самые основы нашего дела, я впервые заметила черную линию на запястье, тонкую, как волос, но отчетливую.

Чернильная смерть. Проклятие рода Новертонов.

Оно всегда поражало одного ребенка в семье, не важно, наделенного даром или нет. Вены постепенно чернели, тело слабело и угасало. Никто не жил с этой болезнью дольше пятнадцати лет.

Мне уже исполнилось двадцать. Черная сеть успела покрыть обе кисти, расползаясь выше по предплечьям, и с каждым месяцем делала это все стремительнее. Я, не снимая, носила перчатки и длинные рукава, скрывая как уродство от чужих глаз, так и горечь грядущей потери от родителей.

Я знала, что мне недолго осталось. Иногда по ночам я чувствовала, как болезнь пульсирует в венах, будто чернила

оживают и шепчут что-то на забытом всеми языке.

Месяц назад та же участь постигла Эриана, моего племянника. Когда мы в очередной раз приехали в гости к маминой сестре, я сразу все поняла, увидев его бледное лицо, и в тот же миг решила, что хотя бы ему умереть не позволю.

Может, бабушка сожалела именно об этом? Что не решилась спасти кого-то так же ей близкого от нашего проклятья? Но ей было за что держаться, ее тогда впереди ждала целая жизнь. Мне же не так много отпущено, как раз столько, чтобы успеть сделать хотя бы что-то стоящее.

Я расстегнула сумку и достала старый блокнот с потрепанной кожаной обложкой, который всегда носила с собой с тех пор, как впервые почувствовала силу.

Внутри осталось несколько пустых страниц, чистых и нетронутых, а в пазы корешка крепилось специальное перо, которым можно набрать кровь из пальца. Обычные чернила жизнь воплотить не могли.

Оторвав небольшой клочок бумаги, я сняла одну перчатку, проколола нежную кожу и набрала материал для письма. А затем стала выводить причудливые символы на языке древних, чувствуя, как погружаюсь в транс, и отдаю часть себя самой, запечатлевая ее на пористом как губка пергаменте.

Закончив, я поднесла клочок к губам и прошептала:

— Укажи мне путь.

В тот же миг бумага завибрировала, поднялась в воздух и рассыпалась тысячей золотых искр. Они закружились вокруг

меня, словно живые светлячки, и поплыли вперед, призывая следовать за собой. И я пошла за ними, почти не замечая, как меняется лес вокруг.

Я шла как зачарованная, будто во сне. Искры вели меня все глубже в чащу, а я не чувствовала ни усталости, ни страха.

Ветви сплетались над головой запутанной сетью, воздух наполнял аромат цветущих трав и хвои, такой сильный и сладкий, что голова слегка закружилась. В какой-то момент я даже забыла, зачем пришла сюда, нутро заполнило волшебное ощущение невесомости и единства с лесом.

Но вдруг...

Одна искра погасла. Затем другая. Третья. Они гасли одна за другой, как свечи на ветру, пока последняя не растаяла в воздухе с тихим шипением.

Я остановилась, моргнула, пытаюсь стряхнуть наваждение.

И реальность обрушилась на меня всей своей тяжестью.

Вокруг царил крошечный мрак. Свет сквозь кроны деревьев почти не проступал, лишь редкие бледные пятна пробивались где-то высоко над головой, теряясь в сплетении ветвей. Тропинки под ногами больше не было: вместо нее густой подлесок, корни, торчащие из земли, да колючие кусты, цепляющиеся за подол платья.

И никакой башни в пределах видимости, разумеется. Ни намека на серое каменное строение, ни проблеска света в

глубине леса. Ничего.

Только тьма. И тишина.

Ужас ледяными пальцами сжал сердце.

— Такого не может быть, — с дрожью в голосе произнесла я в зловещий полумрак.

Обернувшись, я попыталась найти хоть какой-то ориентир, но все выглядело одинаковым. Ничего, что могло бы указать путь назад.

— Нет... — прошептала я, и голос прозвучал жалко, испуганно. — Нет, нет, нет!

Паника захлестнула меня. Ноги сами рванули вперед, куда угодно, лишь бы прочь от этой гнетущей тишины, от осознания, что я потерялась. Я бежала, не разбирая дороги, спотыкаясь о корни, врезаясь в низкие ветви, которые хлестали меня по лицу.

Очередной корень, коварно спрятавшийся в траве, поймал меня за ногу. Я с криком полетела вперед, ударилась коленями и ладонями о жесткую землю. Сумка отлетела в сторону, блокнот вывалился, вложенные в него вырванные страницы рассыпались вокруг неуместными белыми пятнами.

Я лежала, уткнувшись лицом в мох, и тяжело дышала. Плотная юбка уберегла колени, но кожу ладоней даже под перчатками начало саднить. В глазах потемнело, руки и ноги казались ватными, а одышка сдавила грудь, мешая вдохнуть.

Но эта боль, физическая и настоящая, в какой-то степени отрезвляла. Она выдернула меня из водоворота страха, за-

ставила сосредоточиться на главной проблеме.

«Прекрати, Талисса» — мысленно приказала я себе, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — «Паника — главная ошибка заблудившихся. Ты же скриптор. Возьми себя в руки».

Я перевернулась на спину, жадно глотая воздух, а затем поднялась. Дрожащими руками собрала рассыпавшиеся страницы, достала перо и новый клочок бумаги.

Пальцы плохо слушались, но я все же проколола кожу, набрала кровь и начала выводить те же символы, что и в прошлый раз.

— Укажи мне дорогу, — прошептала я, вкладывая в слова всю волю, какую смогла собрать. — Веди к башне. Прошу.

Бумага замерцала на миг и тут же погасла. Ничего не произошло. Искры не вспыхнули, путь не обозначился.

Я стиснула зубы, чувствуя, как к глазам подступают слезы. — Почему? Почему не работает? — выдавила я.

Вопрос был риторический, я прекрасно знала на него ответ.

Магия скрипторов питается силой души. Не просто кровью, не просто знанием символов, а внутренней гармонией и уверенностью, верой в то, что ты делаешь. А мою душу искажил ужас. Страх разъедал ее, как чернильная смерть разъедала тело.

Закрыв глаза, я постаралась унять дрожь. В голове вдруг отчетливо проявилась картина: наш дом, теплый и уютный,

часы на стене мягко отбивают время, наверное, как раз к ужину.

Я словно наяву увидела, как спускаюсь по лестнице из своей спальни, окно в ней выходит на сад, где летом цветут пионы, которые так любила бабушка. Увидела, как мама ставит на стол пирог с курицей, и его аромат заполняет добрую половину дома, смешиваясь с запахом свежесваренного чая.

Отец, отложив новомодную газету, улыбается мне, братья переглядываются, изображая, будто не знают, что скрывается под моими вечно надетыми перчатками.

Все делают вид, что я все еще часть их обычного, привычного мира, и всегда ею буду. Это общее притворство, вошедшее у всей семьи в привычку, позволяет не думать каждую минуту о том, как близок конец.

— Талисса, садись, пирог остывает! — говорит мама, и ее голос звучит так ясно, будто она и правда стоит рядом.

Я сглотнула. Во рту пересохло, а в груди что-то сжалось так сильно, что стало трудно дышать.

Как же тепло там, дома.

Здесь только стылая и влажная земля под спиной, и мох, впитывающий остатки тепла моего тела. И воздух пахнет перегноем и сыростью, а вовсе не выпечкой.

Зачем я пошла? Зачем рискнула? Разве могла я всерьез надеяться, что смогу обмануть судьбу, перехитрить проклятие, которое веками губило наш род?

— Дура, — прошептала я, бессильно падая на колени. —
Какая же ты дура, Талисса.

Слеза скатилась по щеке, но я тут же вытерла ее грязным рукавом.

Нет. Нет, нельзя сдаваться.

Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Страх не исчез, но остался где-то на краю сознания.

Чары не работают, когда душа искажена ужасом? Значит, я просто не буду полагаться на чары.

— Я выберусь отсюда, — произнесла я куда тверже, чем ожидала. — Сама.

С трудом, опираясь на ближайший ствол дерева, я поднялась на ноги. Ладони саднило, колени ныли, но я огляделась, пытаюсь найти хоть какой-то ориентир.

Я опустилась на корточки и провела пальцами по мху.

«Север», — вспомнила я. — «Мох гуще на северной стороне».

Встав, я расправила плечи, глубоко вдохнула и сделала первый шаг. Потом еще один. И еще. Лес молчал, но теперь мне не казалось, что он смеется надо мной.

Я шла очень долго. Ноги подкашивались от усталости, каждый шаг давался все тяжелее. Во рту пересохло, безумно хотелось пить, и я осторожно отхлебнула из фляги, экономя последние глотки воды.

Без еды можно прожить довольно долго, но без питья не протянуть и пары дней.

Вскоре на лес опустилась ночь. Я шла, почти не видя дороги, ориентируясь лишь на ощупь, цепляясь за ветви, чтобы не потерять равновесие. Тело ныло, чернильная смерть давала о себе знать тупой пульсирующей болью в венах, но я упрямо шла вперед.

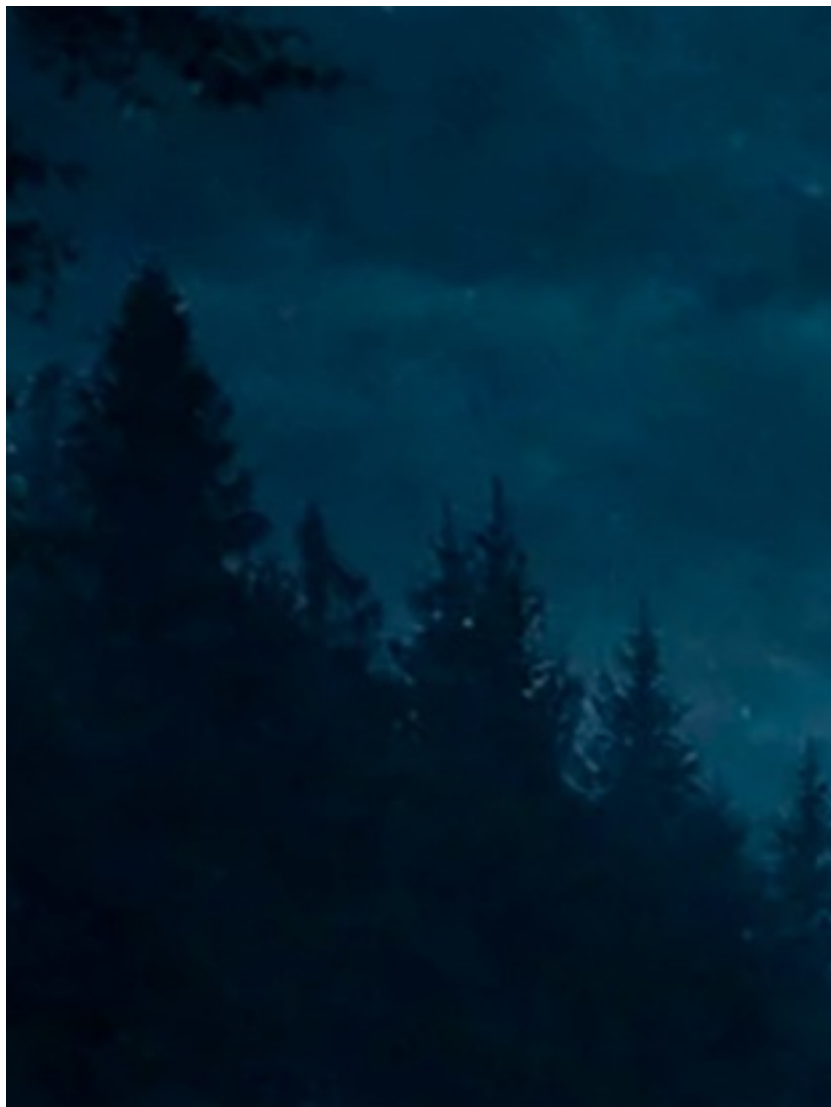
И вдруг вдалеке что-то мелькнуло, слабый, едва заметный огонек. Он мерцал, то пропадая, то появляясь снова. Деревня?

Надежда вспыхнула в груди с новой силой. Я ускорила шаг, потом побежала, забыв об усталости. Но чем ближе подходила, тем яснее становилось: это не место, где живут люди.

Лес расступился, открыв просторную поляну, залитую бледным лунным светом. А посреди нее стояла башня.

Она возвышалась будто бы до самых небес, мрачная, древняя, сложенная из огромных серых камней, у подножия покрытых мхом. Узкие окна напоминали подслеповатые глаза, которые смотрят на тебя с недобрым прищуром.

Все, как и рассказывала бабушка.

Глава 2

Башня действительно казалась бесконечной, но не потому что в самом деле была таковой, а из-за хитрой архитектуры. Огромные у основания каменные блоки становились тем меньше, чем выше поднимался взгляд, создавая иллюзию устремленности в небо.

Вблизи стало видно, что по поверхности стен вьется плющ, но рос он странно, отдаленно напоминая очертаниями лоз язык древних, который я выводила кровью на пергаменте, чтобы воплотить слово в жизнь.

У подножия башни виднелась массивная дверь из темного дерева, окованная железом. К ней я и направилась, но как только приблизилась, со всех сторон стал доноситься потусторонний шепот.

Он звучал отовсюду: из камней, от мрачной границы деревьев, из самой земли под ногами, проникая под кожу, наполняя сознание, заставляя волосы на затылке шевелиться. Множество голосов, слившихся в единый сонм, что-то говорили, но ни единого отдельного слова мне разобрать не удалось.

Вместо тревоги, которую следовало бы почувствовать, я ощутила... смутное узнавание. Будто слышу забытую песню, слова которой когда-то знала наизусть, но теперь никак не могу вспомнить и строки, лишь общий мотив.

Словно завороченная, я протянула руку к массивному кольцу на двери, и стоило пальцам коснуться холодного влажного металла, в тот же миг многоголосый шепот резко оборвался.

Тишина обрушилась на меня, оглушительная, почти осязаемая, и вот она-то как раз заставила мое сердце быстро заколотиться в дурном предчувствии.

Однако смертельная усталость навалилась с новой силой, и она оказалась сильнее страха. Ноги немного дрожали, в висках стучала кровь, чернильная смерть пульсировала в воспаленных венах.

Пошатнувшись от головокружения, я решительно схватилась за кольцо и трижды ударила им о дверь.

Будь что будет.

В конце концов, остаться на пороге посреди зловещего леса, значит точно умереть. А так хотя бы есть надежда спасти Эриана, как я и собиралась изначально, если только бабушкина сказка не лгала.

Стоило мне об этом подумать, как дверь резко распахнулась, сама собой, беззвучно, словно ненастоящая. За ней скрывалась темнота, и сделав глубокий вдох, я шагнула в нее, смело переступив порог.

Внутри оказалось еще темнее, чем я ожидала, но по крайней мере тепло.

Я шурилась, напрягая зрение, пока глаза постепенно привыкали ко мраку, в котором стал проявляться просторный

холл. Его истинные размеры не получалось разглядеть, но масштаб угадывался в особенном ощущении пустоты и эхе шагов.

В центре, уходя вверх, изгибалась широкая лестница, выхваченная из темноты острым лунным лучом. Свет проникал через узкое окно высоко на стене, но не распространялся вокруг. Он падал четкой полосой, как лезвие, и не рассеивался, не заполнял пространство как положено.

Я было потянулась за сумкой, чтобы попытаться начертать знаки, которые наполнят это место светом, но заметила шевеление у лестницы, и замерла.

В глубине холла застыла высокая тень.

Будто отзываясь на стук моего бешено колотящегося сердца, тень сделала шаг вперед. Ремешок сумки выпал из ослабевших пальцев, и та, рухнув, тяжело оттянула мне плечо.

Фигура, тем временем, всплыла в область, освещенную светом луны, и позволила разглядеть ее во всей ужасающей полноте.

Это был не человек.

Существо оказалось не меньше двух метров ростом. Его кожа напоминала высохший пергамент, делая лицо еще более грубым, чем его черты, глаза горели расплавленным золотом, а голову венчали массивные изогнутые рога.

Черные губы растянулись в оскале, обнажая острые акулы зубы.

— О ком ты пришла просить, Талисса Новертон? — про-

грохотал голос, подобный грому, отражаясь от стен, в которых ему очевидно тесно.

Я отступила на шаг и замерла, пораженная осознанием. Вот почему бабушка говорила, что это место — зло. Никакая не башня исполняет желания людей, их исполняет...

— Демон! Ты... ты же демон! — пораженно прошептала я, чувствуя, как в жилах стынет больная кровь.

Существо издевательски ухмыльнулось и отвесило глумливый полупоклон.

— Дизраэль к твоим услугам, госпожа переписчица, — саркастично произнес самый настоящий демон, и внезапно, уже совершенно серьезно, повторил: — Так о ком ты пришла просить?

— Откуда ты знаешь мое имя?

Я тянула время и отчаянно пыталась вспомнить хоть что-то о детях тьмы, кроме детских страшилок.

Дизраэль расправил плечи, сделавшись еще внушительней, и снова шагнул в тень, на сей раз по направлению ко мне. Он сделал еще несколько шагов, звук от каждого из них отдавался тревожным набатом в моих ушах, и наконец, демон остановился рядом со мной.

Чтобы увидеть его лицо, пришлось запрокинуть голову и замереть под жутким взглядом золотых глаз, горевших в темноте.

Я сглотнула, но не отступилась. Я помнила, зачем пришла сюда, и в целом мне не было важно, кто исполнит мое жела-

ние.

— Вы все задаете один и тот же вопрос, глупые люди, — демон издал глухой смешок. — Я знаю не только твое имя, Талисса Новертон. Знаю про дар, на который ты так глупо надеялась, пытаюсь отыскать дорогу сюда. Знаю даже про то, что ты прячешь под своими перчатками. Знаю о тебе все с того момента, как ты переступила порог башни.

Вздрогнув, я рефлекторно спрятала руки за спину, как будто в этом был хоть какой-то смысл.

Отвесив себе мысленную оплеуху, я собралась с духом и нашла смелость заговорить, пускай даже голос предательски дрожал:

— Если тебе все известно, зачем спрашиваешь?

Дизраэль слегка прищурился и склонил голову набок.

— Как же мне надоело повторять одно и то же из раза в раз, — раздраженно произнес он. — Потому что таковы правила. Отвечай, если хочешь пройти дальше и исполнить свое жалкое желание.

— Оно не жалкое! — возмущенно воскликнула я, от негодования забыв про страх. — Я пришла спасти жизнь своего племянника!

— Да-да, как благородно, — скучающе протянул Дизраэль, явно не впечатленный моими мотивами. — В любом случае, главное условие соблюдено. Я позволю тебе пройти испытания, Талисса Новертон.

Выпрямившись и стараясь не показать, как сильно дрожат

колени, я твердо произнесла:

— Хорошо, я готова. С чего мне начать?

Демон тихо рассмеялся. Эхо подхватило его смех, зловеще разнося звук по всему пространству холла.

— Какая быстрая. В чем смысл испытания, если ты знаешь, что оно началось?

Мои уверенно расправленные плечи опустились, и я растерянно спросила:

— Но как же так... разве не будет условий? Правил?

— Будут, разумеется, — хмыкнул Дизраэль и сложил руки на могучей груди, — их ты должна будешь узнать и понять сама.

— Но так ведь нечестно! — я нахмурилась, а затем, осененная осознанием, воодушевленно произнесла: — Я вспомнила! Демоны всегда лгут. Не может такого быть, чтобы человека испытывали, не объяснив, в чем суть. Ты собрался водить меня за нос?

— Вот еще, — фыркнул Дизраэль. — Вы люди всегда ждете подвоха, а знаешь почему? Потому что в этом ваша собственная неприглядная сущность, которую вы не желаете признавать. Так или иначе, у тебя нет выбора.

Сжав кулаки, я даже сквозь перчатки почувствовала, как ногти впились в ладони. Боль помогла сосредоточиться.

— Я поняла. Я буду делать, как ты говоришь.

Демон внезапно расхохотался, а затем громко заявил:

— Ну наконец-то. Хоть у кого-то хватило мозгов не утом-

лять меня пустыми препирательствами и обвинениями во вселенском зле.

Клянусь, я не успела даже увидеть, как метнулась его когтистая рука, схватив меня за подбородок. Демон склонил свое жуткое лицо к моему, и замер, когда между нами осталась лишь пара сантиметров.

— Будешь такой же понятливой, может и правда сумеешь исполнить свое желание, переписчица, — проникновенно сообщил он. — Однако, чтобы я сослужил для тебя службу, придется сначала тебе сослужить ее мне, — Дизраэль резко отпустил меня. — Все время, что ты проведешь в башне, ты будешь работать. Но ты все еще можешь уйти, если хочешь.

Не удержавшись, я сделала шаг назад и обхватила себя руками, чувствуя, как дрожит тело и как вспотели ладони под перчатками.

— Я не боюсь работы.

И я не солгала. Когда отец купил печатные станки, мы несказанно разбогатели, но уклад в новый дом переехал вместе с нами из старого. Мама наняла помощницу по хозяйству, однако большую часть работы мы по-прежнему выполняли сами.

— Кто бы сомневался, — хмыкнул Дизраэль. — Новертоны всегда отличались воистину бараньим упрямством.

Я растерянно моргнула.

— Ты знаешь кого-то из моей семьи?

— Кого-то из твоих предков, если быть точным. Мне наскучил этот разговор. Следуй за мной, я провожу тебя в комнату и расскажу, чем тебе предстоит заниматься ближайшее время.

Он знал моих предков?

А ведь и правда, кое о чем я сразу и не подумала. Сколько же он?..

Демон резко развернулся и направился куда-то в темноту, но прежде, чем последовать за ним, я все же спросила:

— Сколько времени ты живешь здесь?

Дизраэль обернулся, пронзив меня взглядом.

— Дольше, чем ты способна понять.

Глава 3

Мы долго поднимались по темной винтовой лестнице, и к концу подъема ноги уже попросту отказывались идти, а горло нестерпимо жгло в попытке схватить побольше воздуха.

Вид демона перестал внушать трепет уже на десятом пролете. В таком состоянии трудно испытывать хоть что-то, кроме непреодолимого желания добраться наконец до цели.

Наверное, дойти до тридцать пятого этажа после блужданий в лесу я смогла только потому, что Дизраэль временами останавливался и пояснял, что здесь находится. В такие моменты я отчаянно хваталась одной рукой за колющий бок, а другой за холодный камень стен.

Каждый раз обнаруживая, насколько тяжело дается этот путь его спутнице, Дизраэль лишь презрительно кривился. Впрочем, шпилек он по этому поводу не отпускал, зато терпеливо рассказывал о том, какие помещения мне понадобятся, чтобы выполнять довольно простую, но неожиданную обязанность.

Выделенная для меня комната оказалась больше похожей на келью. Демон оставил меня одну перед раскрытой дверью, не дождавшись реакции и не дав возможности ничего спросить.

Он просто растворился в темноте. Во всяком случае, я не услышала и не почувствовала, как он уходит, но обернув-

шись, нашла за собой лишь пустоту.

Глубоко вдохнув, я вошла внутрь и окинула взглядом свое временное пристанище. В крохотной комнатухе нашлось место лишь для узкой кровати, небольшого столика у окна и приземистого комода возле стены.

Впрочем, даже его мне заполнить было нечем. Я не брала с собой одежды, ведь и предположить не могла, что проведу в башне далеко не один день.

Притворив за собой дверь, я подошла к столу и с облегчением уронила на него сумку. Совсем небольшая, сейчас она казалась мне неподъемным грузом, будто лежали в ней как минимум булыжники.

Меня не смутила скромность обстановки, но вот холод, исходивший от голых каменных стен и от пола, пронизывал до самых костей. Даже сквозь подошвы сапог ощущалось ледяное дыхание камня.

В теле едва хватало сил для того, чтобы переставлять ноги, но я все же сделала над собой усилие, и с тяжелым вздохом сняла с матраса простыню. Затем взяла из сумки канцелярский нож и порезала часть ткани на лоскуты, которыми постаралась заткнуть большинство щелей в раме окна, от которого ощутимо тянуло сквозняком.

Сняв перчатки и достав блокнот, я вырвала чистую страницу, привычно уколола палец пером, набрала кровь и начертила знаки, которые при активации способны согреть целый дом, не то что крохотную комнатуху.

— Даруй мне тепло, — выдохнула я на листок, но он не отозвался, оставшись недвижимым.

Сжав хрусткую бумагу в пальцах, я уже в полный голос произнесла, чувствуя, как глазам подступают слезы:

— Ну пожалуйста...

Конечно же, ответом мне стала лишь неестественная тишина этого места, в которой даже собственное дыхание звучало оглушительно громким.

Прикрыв глаза, я приказала себе не раскисать, со злостью швырнула на стол бесполезные перо и бумагу, а затем рухнула на кровать как есть, даже не пытаясь раздеться.

Укутавшись в худое одеяло, я сжалась под ним калачиком, чтобы не растерять драгоценное тепло.

Несколько долгих минут, а может, и целый час, я лежала неподвижно, прислушиваясь к биению собственного сердца и стараясь согреться. В голове воцарилась изнуренная пустота, слишком много всего произошло за этот день.

Комната сохраняла полную тишину: ни шороха, ни скрипа, ни шума от окна. Ничего. Все казалось нереальным, словно башня находилась где-то за пределами мира живых.

Перевернувшись на другой бок, я уставилась на щель под дверь. И вздрогнула, когда увидела, как мелькнуло и тут же исчезло слабое свечение, будто кто-то прошел мимо, держа в руках лампийон. Однако не услышала ни звука шагов, ни любых других признаков движения.

Не знаю, как долго я вглядывалась в полумрак, рассеива-

емый лишь ярким лунным светом, но в какой-то момент сон сморил меня.

Мне явился образ Эриана, его такие же, как и у меня, непослушные кудряшки, слабая улыбка на бледных губах. Я сделала шаг к племяннику, обычно очень активному и жизнерадостному, и тут же в ужасе замерла, потому как по всему его телу стала с ужасающей скоростью расползаться сеть черных вен.

Кажется, я закричала.

А открыв глаза, обнаружила себя сидящей на жесткой постели, пропитавшейся теплом моего тела. Или, может, ее согрели солнечные лучи, которые пробивались сквозь мутное стекло окна?

— О нет! — я быстро вскочила на ноги, и подбежала посмотреть, где находится солнце.

Оно было в зените, яркие лучи падали на пол, образуя яркий прямоугольник света, совершенно непохожий на расцветное зарево.

Дизраэль вчера сказал, что я должна подать завтрак утром. В этом и заключалась моя странная задача — готовить ему еду.

Резко крутанувшись на пятках, чтобы помчаться в поисках кухни и хотя бы как-то исправить ситуацию, я замерла на полушаге.

— Что за... — прошептала я, чувствуя, как липкий холодок бежит по позвоночнику.

Комод стоял в изножье кровати, а стол, еще вчера перекрывающий доступ к окну — у стены. В испуге я не заметила этого сразу, как и того, что брошенные вчера блокнот со скрипторским пером исчезли.

В ужасе я бросилась к комоду, открывая ящики один за одним в надежде найти свои вещи, но вместо них обнаружила аккуратно сложенное платье.

Дрожащими руками я взяла его, развернула и сразу поняла, что это форма прислуги, какая уже не одно столетие была в ходу у знатных домов, и с годами почти не менялась.

Грубая ткань, блеклый синий цвет, белые манжеты и воротничок. Я отбросила от себя платье, будто оно обожгло мне руки.

Никто из рода Новертонов не надел бы нечто подобное. Мы давно забыли о том, что когда-то принадлежали к высшему свету, но какие-то вещи все же считались недопустимыми.

Род скрипторов не поступал ни к кому в услужение и не приглашал ни в дом, ни на предприятие прислугу. Мы всегда нанимали *работников* достойно оплачивали их труд. Новертоны не потакали нездоровому отношению знати к персоналу, и выступали активными противниками старых порядков.

Как бы ни были недовольны этим фактом некоторые дома, им приходилось к нам прислушиваться. К скрипторам обращались исключительно по веским причинам, но за Но-

вертонами оставалось право отказать даже королю.

Я сама, как когда-то бабушка, не раз выезжала в поля, когда засуха грозила уничтожить урожаи, восстанавливала разрушенные непогодой мосты, не давая поставкам в отдаленные регионы прерваться надолго, и по традиции никогда не брала за свой дар плату. Новертоны вкладывали в служение совершенно иной смысл, и хотелось верить, что имели право на некоторую гордость.

Подать демону завтрак, выполнять его поручения — это одно, труда я не боюсь. Однако этот маскарад, это проклятое платье походило на целенаправленную насмешку.

И тут меня осенило. Дизраэль ведь дал понять вчера, что знает обо мне куда больше, чем должен бы. Наверняка, он сделал это специально. Поддаться фамильной гордости и проявить хотя бы малейшее недовольство — значит сделать его подначку удавшейся.

Прищурившись, я вновь взяла платье в руки.

— Хочешь развлечься за мой счет, значит?

Стало абсолютно все равно, что с завтраком для этого древнего шутника я безнадежно опоздала.

По всей видимости, в чем-то легенды о детях тьмы не врали. В более спокойной обстановке мне удалось вспомнить, при каких обстоятельствах они вообще появились.

В мифах о сотворении мира рассказывалось, что жизнь проистекает из слова. В бесконечном хаосе великий творец Актор написал мироздание и вдохнул в него собственный

дух, породив все прекрасное, что есть на земле.

Однажды он сидел под цветущей грушей в своем саду, в особенном месте, куда не мог ступить ни один смертный.

Актор размышлял о том, к чему можно стремиться, когда все сущее совершенно, и мысли свои переносил на пергамент. Но не получалось у него создать ничего лучше, чем уже воплощено, напротив из-под пера творца выбирались искаженные и кривые линии, лишённые гармонии.

Разумеется, Актор не собирался вдыхать в них жизнь. Но на беду всем живущим, утомленный творец уснул, и с груши сорвался лепесток. Он упал на пергамент, и наделил начертанное силой, потому как сам являлся частью своего создателя, и прикосновение его было равно дыханию жизни.

Проснувшись, творец обнаружил, что по глупой случайности наделил созданный им мир ужасными вещами. Так появились болезнь, голод, горе, смерть — множество слов, которые сделали жизнь несовершенной. А их воплощением стали ужасные существа, демоны, рожденные с одной лишь целью: отравлять и искажать все, что до них создал Актор.

Творец не сумел смириться со своей ошибкой и покинул наш мир, оставив после себя лишь двенадцать заветов, которым люди стараются следовать и по сей день.

В легендах демоны представляли в разном виде: иногда они походили на животных, иногда выглядели как люди, а какие-то истории соответствовали тому, как выглядел Дизраэль. Все их объединяло одно, тот факт, что создания эти об-

ладали одновременно прескверным характером, бессмертием и огромным могуществом, которое обращали против людей.

В одних историях демоны заключали со смертными контракт, чтобы получить взамен бессмертную душу. Другие рассказывали о более тонких способах искусить человека и заставить его сойти с верного пути.

Демон мог выступить в роли мудрого советника для правителя, подтолкнув того к жертвам во имя высшего блага, или даже принять облик близкого друга, чтобы убедить влюбленного в измене избранницы.

Словом, искаженные создания Актора никому не внушали ни доверия, ни симпатии. И если судить по Дизраэлю, как минимум о скверности характера демонов легенды не солгали. Другое дело, что ни душа моя, ни тем более истинность пути, его интересовали вряд ли.

Обо всем этом я думала, пока надевала синее платье прислуги. Ткань, между прочим, оказалась неожиданно мягкой на ощупь, намного приятней, чем показалась сначала. И оно точно было чище и свежее, чем моя собственная одежда, пропитанная потом.

От прежнего наряда я оставила только неизменные перчатки. Хотя они запачкались в лесу, а демон прекрасно знал, что они скрывают, отказаться от вещи, ставшей уже частью меня, я не смогла.

Застегнув манжеты и поправив воротничок, я чуть похло-

пала себя обеими ладонями по щекам для смелости и уверенно вышла за дверь.

Для начала стоило потребовать вернуть перо и блокнот, а также показать, что затея с платьем меня ничуть не задела. Разумеется, после запоздалого завтрака.

Открыто портить отношения с демоном, от которого зависела жизнь Эриана, я не имела никакого права.

Глава 4

Странности начались сразу, как я переступила порог. Затопленные теплым солнцем коридоры не вызвали такого гнетущего ощущения и подсознательного страха как ночью. Однако вчера они совершенно точно были намного короче!

В том, что с пространством башни что-то не так я окончательно убедилась, добравшись до кухни на двадцать первом этаже.

На стене висели массивные деревянные часы-ходики, отбивая размеренный ритм, как лошадиные копыта по мостовой.

Но важно другое. Прищурившись, я пристально взглядела в циферблат и с удивлением обнаружила, что серебристые стрелки показывают пять утра.

Усомнившись, что часы исправны, я вновь посмотрела в окно. Солнце по-прежнему находилось в зените, ровно на той же части небосвода, что и полчаса назад, будто нарисованное.

— Это место не поддается объяснению, — растерянно пробормотала я, и задумчиво дунула, прогоняя выбившуюся из растрепанной прически кудряшку с лица. — Зато с завтраком я, кажется, не опоздала.

Кухня не соответствовала масштабу этого места, казалась почти домашней, будто не предназначенная, чтобы снабжать

едой множество людей. Однако в кладовой и леднике нашлось множество хороших продуктов.

Большие глиняные кувшины с молоком и сливками, корзина с яйцами, бруски сливочного масла в льняных свертках, связки вяленого мяса... Все выглядело таким свежим, будто только-только прибыло от лавочника.

Окинув взглядом это богатство, я быстро сообразила, что смогу приготовить за оставшееся до назначенных восьми утра время.

Замесив тесто на пушистый и чуть сладковатый хлеб по особенному рецепту мамы, я принялась разжигать очаг. И по мере того, как кухня стала наполняться одновременно теплом и едва уловимым запахом дрожжей, ко мне понемногу возвращалось ощущение реальности.

Когда тесто подошло, я сформировала небольшие буханки и отправила их выпекаться, а через несколько минут кухня наполнилась уже умопомрачительным ароматом свежее испеченного хлеба, уютным, как дом.

Ровно ко времени на подносе собрались тарелка поджаренных яиц, нарезанные хлеб и мясо, а также кофейник с молочником и маленькая чашечка сахара.

Я сама, пока готовила, на ходу позавтракала тем же, и очень надеялась, что Дизраэль не ждет изысканных кушаний, приготовить которые мне не под силу.

Осторожно подняв поднос, я с чувством глубокого удовлетворения направилась к выходу. Впереди ждал непростой

подъем на пятьдесят второй этаж, где по его же словам жил демон.

Однако у самого порога я ощутила резкий укол в груди, будто кто-то с размаху вонзил в нее нож, и, прежде чем рухнуть на пол вместе с завтраком, успела только прохрипеть:

— Только не сейчас, нет...

Кровь в венах запульсировала, запылала огнем, превращая кровоток в сеть лавовых потоков, мышцы свело судорогой, заставляя с жутким стоном изогнуться дугой и упасть на колени. Выронив поднос, я схватилась за грудь, переживая приступ чернильной смерти.

Все пространство вокруг исчезло, сжавшись в единую точку, в которой существовали только я и пылающая в крови агония.

Когда боль наконец отступила, оставив за собой гудящую в мышцах слабость, я привычно сделала несколько глубоких вдохов, успокаивая бешеное сердцебиение.

— Соберись, — с ненавистью процедила я сквозь крепко сжатые зубы.

Проклятая болезнь.

«Ну же! Вставай!» — упрямо надавило сознание.

Собрав всю волю в кулак, я уперлась ладонями в пол и медленно поднялась на ноги, пошатываясь подошла к раковине и плеснула себе в лицо холодной водой.

— Просто сделай это еще раз, — прошептала я сама себе, прикрыв глаза.

К счастью, хлеб еще остался, две буханки остывали в хлебнице. Убирать последствия неудавшегося завтрака было некогда, и я сосредоточилась на том, чтобы как можно быстрее воспроизвести его заново.

Взяв в руки собранный поднос, я на мгновение замерла и внимательно прислушалась к ощущениям в теле.

Боль уверенно отступила, но руки и ноги ощущались немного ватными. И все же, ничего не говорило о том, что приступ может повториться в ближайшее время.

Каждый шаг давался с усилием, особенно подъем по высоким ступеням, но я упрямо двигалась вперед, не позволяя себе заняться саможалением.

Стоит дать слабину и тело с удовольствием расслабится, подведет, откажется слушаться. Я проходила через это неисчислимое количество раз.

До пятьдесят второго этажа я добралась как в тумане, призывая на помощь каждую крупницу сил, которая осталась в теле.

Обстановка в гостиной, куда Дизраэль приказал подать завтрак, радикально отличалась от того, как выглядела моя комната. Переступив ее порог, я на секунду даже забыла о том, насколько сильно устала.

Все выглядело одновременно роскошным и вместе с тем бестолковым, будто в какой-то момент изначальный замысел сменило бездумное складирование ценностей.

Вещи теснились в слишком маленьком для такого их ко-

личества помещений совершенно хаотично, и более того, по большей части выглядели странно. Чего стоили одни только картины на светлых стенах!

Кроме вполне узнаваемых портретов и пейзажей с них смотрели люди в необычных и порой весьма откровенных нарядах, жуткие существа, каких не бывает в природе, города из множества стеклянных башен, уходящих в небеса... и это лишь то, что успел бегло уловить мой взгляд.

Потому как в следующее мгновение все вокруг отступило на задний план.

Посреди этого безумия в глубоком кресле вольготно расположился молодой мужчина исключительной, просто неземной красоты. Не выхоленной, а той, что мгновенно цепляет взгляд уникальным сочетанием несовершенных линий.

Вытянутое лицо и высокий лоб гармонировали с тонкостью черт. Прямые кустистые брови, такие же темные, почти черные, как и его волосы, придавали облику некую суровость, а боковые пряди, чуть выбивающиеся из короткой прически и прикрывающие лоб, напротив — живой небрежности.

Мужчина сидел расслабленно и читал книгу, возмутительным образом закинув скрещенные длинные ноги на журнальный столик. И хотя поза его переходила все границы приличий, в ней чувствовалась истинная аристократическая грация, которая контрастировала с отнюдь не тщедушным

телосложением.

В растерянности я замерла, не зная как обратиться к прекрасному незнакомцу и спросить у него, где мне найти Дизраэля, но в следующий миг все встало на свои места и одновременно перевернулось с ног на голову.

Мужчина поднял на меня взгляд, и из-под длинных густых ресниц на меня посмотрели те же озера расплавленного золота, что и вчера. Древние, проницательные, видящие любого насквозь.

— Ты задержалась, — заметил никто иной, как демон.

Глава 5

С самого утра я готовилась к тому, что буду иметь дело с чудовищем из легенд, и оказалась совсем не готова встретиться с кем-то настолько похожим на человека. К тому же, столь прекрасного, похожего больше на описание рыцарей и принцев из детских сказок.

Образ жуткого демона, который встретил меня на пороге башни, никак не желал совмещаться с молодым мужчиной, которого я видела сейчас. Расслабленного, несколько меланхоличного, смотревшего на меня с долей ленивого интереса и, кажется, сарказма.

Справившись с шоком и растерянностью, я чуть тряхнула головой, сбрасывая наваждение, и осторожно подошла к Дизраэлю.

— Прошу прощения, пришлось кое-что переделать, — неловко оправдалась я, аккуратно поставив поднос с завтраком на столик.

Хотелось, конечно, сделать ему замечание и попросить убрать со стола ноги, но разве не глупо пытаться учить манерам настоящего демона?

Дизраэль неожиданно сделал это сам, и небрежно кинул себе за спину книгу, которую читал. Та с глухим стуком упала на пол, распластавшись на нем раскрытыми страницами.

Демон с интересом открыл крышку и шумно принялся.

— Пахнет недурно, — с непонятной мне иронией произнес он, и насмешливо смерил меня взглядом. — А тебе очень даже идет.

Честно говоря, даже стоять мне по-прежнему было тяжело. Я и думать забыла о том, во что сейчас одета. Но все же нашла в себе силы расправить юбку и демонстративно покрутиться из стороны в сторону, позволяя себя рассмотреть.

— Правда? Спасибо, мне тоже кажется, что цвет прекрасно оттеняет глаза, — произнесла я куда более устало, чем хотелось бы.

В моих фантазиях это должно было прозвучать едко и гордо, но на подобное не осталось никаких сил. Больше всего мне хотелось побыстрее уйти и прилечь.

Дизраэль, не обнаружив во мне ни капли негодования и любых других чувств, на которые рассчитывал, сразу поскуchnел и, скривившись, только отметил:

— Какая тоска.

— Это всего лишь платье, — я сложила руки на груди и вскинула бровь, давая понять, что раскусила его задумку. — Одежда не сделает меня той, кем я не являюсь. Прости, что разочаровала.

Демон махнул рукой, потеряв к теме всякий интерес, и принялся наливать себе кофе, мгновенно наполнивший бодрящим ароматом тесную гостиную.

— Занудство у тебя в крови, в общем и целом, я не удивлен, — только добавил он, накладывая мясо на хлеб. — Рас-

слабься, Талисса Новертон, твоя серьезность навевает уныние.

В любой другой ситуации я не стала бы терпеть столь откровенное оскорбление семьи и себя лично, но усталость подкрепила мысль, что демон все еще остается единственным существом на земле, которое способно спасти жизнь Эриану.

К тому же, вопреки всему, не было похоже, что Дизраэль испытывает ко мне враждебность. В нем не чувствовалась злоба, скорее действительно смертельная скука, попытка бессмертного существа хоть как-то расшевелить застывший мир вокруг.

— Приятного аппетита, — вымученно пожелала я. — Могу я идти?

— О, нет-нет, ты составишь мне компанию, — порушил все надежды демон. — Последние несколько столетий собеседник довольно редкое явление здесь, пускай даже такой, как ты.

— Может, и не стоит тогда мучить себя обществом недостойного собеседника?

— Я не об этом, — демон полыхнул глазами. — Просто я знаю о тебе гораздо больше, чем ты сама.

Очень хотелось напрямую сказать, что сейчас я не в том состоянии, чтобы вести беседы. Однако создавалось впечатление, что Дизраэль к моим словам прислушается, поэтому я просто заняла кресло напротив него, не дожидаясь пригла-

шения, которое вряд ли последовало бы.

Стоять я уже попросту не могла, и едва не застонала от облегчения, когда вес тела приняла на себя мягкая обивка. Демон проследил за мной взглядом, но никак комментировать и заставлять подняться не стал.

— Здесь действительно больше никого нет? — я решила воспользоваться ситуацией и выяснить хотя бы это.

— Ни одного человека, — растянул губы в пугающей улыбке Дизраэль. — Только ты и я. Страшно?

— Не особенно, — соврала я, поведя плечами. — Просто странно. Такое огромное место, и совсем никто за ним не ухаживает?

— Ну, кроме найма кучи проблематичных людей, существуют другие способы держать все в порядке, — пожал плечами Дизраэль и подцепил вилкой поджаренное яйцо.

Я поймала себя на том, что слишком пристально наблюдаю за тем, как он его с нескрываемым удовольствием поглощает, словно загипнотизированная его вводящей в заблуждение внешностью, и поспешно отвела взгляд.

Ситуация казалась настолько странной и нереальной, что попросту не укладывалась в голове.

— В таком случае, — вдруг задумалась я, — кто готовит обычно?

Воображение живо нарисовало картину, в которой Дизраэль во вчерашнем облике стоит у очага и пытается могучими когтистыми руками аккуратно разбить яйцо на сковороду.

Будто прочитав все это на моем лице, Дизраэль отложил приборы и от души расхохотался, заставив меня вздрогнуть от неожиданности, и вцепиться руками в кресло.

Настроение у этого создания менялось быстрее, чем погода в горах, делая его совершенно непредсказуемым.

— Лично у меня нет потребности в еде, Талисса, хотя есть и чувствовать вкус я могу, — объяснил вспышку веселья демон, когда отсмеялся.

На этот раз мои пальцы невольно сжались на подлокотниках уже от закипающего внутри негодования.

Думаю, демон прекрасно знал, как отражается на состоянии человека чернильная смерть, и все же заставил выполнять бессмысленную работу.

— К чему тогда этот фарс? — тихо, едва сдерживая злость поинтересовалась я.

Дизраэль широко улыбнулся.

— Хотел немного подразнить, — не скрывая того, что забавляется, ответил он. — Новертоны всегда были гордецами, стало интересно, как обстоят дела в нынешнем поколении.

Видимо, я не ошиблась. Он целенаправленно решил таким образом развеять скуку. Впрочем, стоило ли ждать другого отношения от существа вроде него?

— Рада, что повеселила, — поджала губы я. — Может, на этом и закончим? И прошу, верни мое перо и блокнот.

— Оба раза мой ответ — «нет», — насмешливо вскинул брови демон и откинулся на спинку кресла. — Твой дар мо-

жет сделать испытание нечестным, я запрещаю его использовать. Без удобного инструмента удержаться от соблазна проще, так что можешь считать, что я сделал тебе одолжение.

Челюсти сжались так сильно, что я почувствовала, как на скулах заходили желваки. Чаша терпения переполнилась, и в праведном гневe слова сорвались с губ быстрее, чем я успела осознать, что совершаю ошибку:

— Ты не имеешь права, — прорычала я. — Никто не смеет преграждать путь священному наследию Актора.

Выражение лица демона резко переменилось, оно мгновенно ожесточилось, словно кто-то сорвал с него маску распущенного весельчака. Он медленно встал и, не отпуская мой взгляд, приблизился, заставив инстинктивно вжаться спиной в кресло.

Я почувствовала, как волосы на руках вздыбились.

Внешность и поведение Дизраэля усыпили мою бдительность, я почти забыла, что имею дело вовсе не с человеком. И сейчас он напомнил, кем является, подавляя волю одним своим видом, тем, как медленно и неотвратно он надвигался.

Демон склонился надо мной и позволил во всех деталях рассмотреть, как аккуратные ухоженные ногти вытягиваются в черные когти. Один из них легко поддел мой подбородок, впившись острием в ямочку под ним, заставляя резко запрокинуть голову.

Сердце заколотилось едва ли не сильнее, чем во время

приступа, и я замерла, оцепенев от ужаса. Разум кричал, что Дизраэль не станет меня убивать, но глубинное предчувствие, нечто первобытное, утверждало обратное.

— Кажется, ты не совсем понимаешь, — без тени веселья произнес демон. — Здесь ты будешь следовать моим указаниям, в чем бы они не заключались. Все просто, я выполняю ваши прихоти, вы — делаете то, что требуем я и башня. За желания нужно платить, Талисса, а глупость, которую вы придумали, объяснив ею дар скрипторов, я не чту.

— Извини, — прошептала я, стараясь не дергаться лишний раз, чтобы не нанести себе вред.

Приносить извинения, когда ты уверен в своей правоте, обидно до слез. Но в тот момент мной владел самый древний и подавляющий страх, тело панически ожидало смерти.

Как ни странно, но демон смягчился. Он тут же отпустил меня и произнес:

— Разумеется, убить я тебя не могу, с этим у тебя будет много возможностей справиться и без моей помощи. Однако сделать каждую минуту жизни здесь невыносимой — способен вполне. Поэтому просто делай, как я говорю, и не зли меня. Это ясно?

Сглотнув, я медленно кивнула, с опаской наблюдая за малейшим движением непредсказуемого демона.

— Тогда на сегодня ты свободна, надоело, — бросил он, неопределенно махнув рукой в сторону выхода.

Мне и самой больше всего на свете хотелось поскорее

обратиться из этой гостинной, поэтому без лишних слов я быстро вскочила и, коротко кивнув в знак прощания, направилась к выходу.

Но не тут-то было. Всего несколько шагов, и ослабленное сначала приступом болезни, а затем и пережитым страхом тело в очередной раз подвело меня. Внезапное головокружение исказило мир перед глазами, сделав его мутным и уплывающим в сторону.

Конечно же, на самом деле мир стоял на месте, а вот я стремительно падала, приготовившись к удару о какую-нибудь из множества вещей, загромождавших комнату.

Подобное часто случалось со мной и, в целом, я была к этому готова. Однако, удар не последовал.

Вместо боли я почувствовала, как меня подхватили сильные руки, удерживая за плечи и не давая упасть. Странное и непривычное чувство такой своеобразной опоры в момент слабости.

Еще мгновение мне понадобилось, чтобы осознать: эта поддержка может исходить только от одного существа.

Дикая в своей неправдоподобности мысль тут же привела меня в чувство.

Взгляд сфокусировался, и я увидела Дизраэля. На его лице застыло такое же недоумение, какое наверняка появилось и на моем. Будто он сам не до конца понимал, зачем вмешался.

А я неожиданно остро почувствовала тепло, исходившее

от его рук, силу, с которой они сжимали мои плечи. Словно очнувшись, я резко вернула себе равновесие и поспешно отстранилась.

Дизраэль, кажется, с собственной растерянностью справился намного быстрее, и теперь с интересом наблюдал за мной, чуть склонив голову к плечу.

— Спасибо, я... просто устала, спасибо, — сбивчиво поблагодарила я, и тут же развернулась, чтобы наконец-то покинуть гостиную.

Глава 6

Спускаться вниз было не в пример легче, чем подниматься вверх, но я все равно придерживалась рукой о стену, боясь упасть. Шершавая поверхность стен цепляла ткань перчаток, будто старалась удержать, не дать уйти даже от собственных мыслей.

В своей комнате я с облегчением рухнула на кровать и ослабила тугий ворот платья, чтобы стало легче дышать, а затем, немного придя в себя, бессознательно коснулась своего плеча, которое еще хранило ощущение прикосновения.

Зачем он поймал меня? За все это утро я почти утвердилась в мысли, что оказалась во власти жестокого существа, которое откровенно недолюбливает людей и ни в грош не ставит чаяния, с которыми они приходят в башню.

Демон точно знал, какие последствия имеет чернильная смерть, и очевидно не испытывал никакого сострадания к моей физической слабости и к моральной тем более.

Заставил вырядиться в это дурацкое платье и готовить завтрак, в котором даже не нуждался. Не дал спокойно уйти и не предложил присесть, хотя точно видел, что я едва на ногах стою.

Тогда что это было сейчас?

Устроившись поудобнее, я с облегчением прикрыла глаза и постаралась прокрутить в голове все, о чем мы сегодня го-

ворили.

Может ли быть так, что скверный характер, а менять мнение на этот счет у меня не находилось причин, стал следствием долгого одиночества? Дизраэль ведь сказал, что собеседник — явление для него редкое, и, судя по знакомству с моими предками, он живет так очень давно.

Кто хочешь озверееет, живя долгое время в изоляции. Таковую версию я вполне способна понять. Потому как сама, хоть и была с рождения окружена людьми, никогда не чувствовала себя своей до конца, даже в собственной семье.

Все реагируют по-разному, я вот просто замкнулась, когда чуть повзрослела. Но кто знает, как изменили бы меня столетия?

Мою собственную жизнь полностью изменил один роковой год, когда умерла бабушка, а чуть позже семью постиг второй удар — известие о том, что меня поразили родовой недуг.

Одна тоненькая линия на запястье, и уже в восемь лет я, бойкий ребенок с гордо вздернутым носом, узнала, что такое глубокий стыд за горе, которое ты приносишь семье.

Родители старались делать вид, что ничего не изменилось, но я все равно прекрасно видела эти взгляды, те самые, когда человек улыбается, гладит тебя по голове, а в глазах всепоглощающая пустота, смиренная обреченность, которую ты можешь лишь принять как данность.

Все это чувствовала не только я, но и братья. Из-за исклю-

чительно детской неспособности понимать некоторые вещи, они винили в чувствах родителей меня, пока не выросли и не научились играть во взрослую игру «Сделаем вид, что все в порядке».

Однажды черную венку на моем запястье заметил один из соседских ребят, с которыми мы делили детские игры.

До сих пор чрезвычайно ярко помню самодовольную веснушчатую физиономию Дэнни, когда тот кривлялся и кричал, что я заразная. Помню, как обнажались крупные и кривые зубы, когда он скалился в ответ на мои попытки подобрать достойный ответ и совладать с детской жестокостью.

Дети быстро забыли, почему именно начали избегать меня, но не перестали этого делать. И даже перчатки, которые я стала с тех пор носить не снимая, ничего не изменили.

Сначала я очень переживала на этот счет, много плакала, жаловалась родителям, делая ситуацию только хуже. Потом смирилась и решила просто стать лучше всех за то время, что мне отпущено.

Я училась как сумасшедшая и к шестнадцати годам не только наверстала многое из того, что мне не успела передать бабушка, но и разбиралась в вопросах семейного дела лучше, чем братья вместе взятые.

Правда, завоевать любовь окружающих мне тем самым не удалось. Напротив, чем больше я погружалась в учебу и сильную работу, тем меньше общалась с людьми, и тем значительней становилась пропасть между мной и ними.

Втайне я надеялась, что однажды перестану быть невидимкой, делом покажу, как сильно стараюсь, и проигнорировать это будет невозможно.

Когда стало известно, что и Эриана постигла чернильная смерть, я не сомневалась ни секунды, потому как знала: никто, кроме меня ему не поможет. И к тому же, слишком сильно дорожила племянником, чтобы остаться в стороне.

Перевернувшись на бок, я тяжело вздохнула, высказывая из одних воспоминаний, но только затем, чтобы погрузиться в другие. Племянник значил для меня так много, потому что его судьба до боли напоминала мою собственную.

В нем тоже совсем недавно открылся дар скриптора, правда, мальчик не слишком хотел связывать с ним свою судьбу, и все же, я взялась учить его тому, чему смогла научиться сама.

И как бабушка покинула меня, не успев почти ничего передать, так и мне предстояло в скором времени уйти, оставив Эриана с тем, чему его позволило научить время. Как и с черными венами, один на один с болезнью, истачивающей не только тело, но и душу.

Наверное, я чувствовала перед ним ответственность и как учитель, и как тетка, и как просто взрослый человек. Но если быть совсем честной, в племяннике я нашла свой смысл, способ оставить что-то после себя.

Проводила с ним, быть может, слишком много времени, потому как знала, что своих детей у меня никогда не будет,

и дарила такую любовь и заботу, какую умела. Отчасти эгоистичную, но все же искреннюю.

Взгляд рассеянно скользнул вдоль пустой серой стены, местами выщербленной и покрытой пятнами от сырости, и внезапно остановился на малоприметном камне в кладке, он отличался от других. Поверхность выглядела так, будто ее часто касались.

Медленно поднявшись, я подошла к нему, убедилась в отсутствии известкового раствора в стыках, и попробовала сдвинуть.

Сразу стало очевидно, что камень не закреплен, он на удивление легко поддался и полностью вышел из кладки, открывая небольшую нишу.

В ней я обнаружила несколько старых, пожелтевших от времени листков, их неуклонно уничтожали влага и время, но записи на одном все еще поддавались прочтению.

Бумага едва не крошилась в пальцах, требуя от меня предельной осторожности. Строчки выглядели странно, будто писавший сильно торопился или вовсе был не в себе, местами корявые буквы то прыгали, то наезжали друг на друга.

Чувствуя, как сильно от волнения забилось сердце, я поднесла текст поближе к глазам и вчиталась:

«Это место сводит с ума, здесь ничему нельзя верить. Сначала все казалось таким спокойным, но я чувствую, как каждый день, нет, каждую минуту эти стены высасывают из меня разум.»

Я думал, что иду за спасением умирающей жены, пришел сюда ради нее. Я был готов на все, лишь бы она жила, но теперь знаю, что в башню можно прийти только за одним — за своей смертью.

Демон лжет. Он всегда, постоянно, все время лжет. Делает вид, что помогает, но на самом деле просто наблюдает, как мы ломаемся, направляет друг на друга. Проклятье. Я вижу это в его глазах, вижу, как он наслаждается.

Вчера я узнал, прочитал в одной из книг в его библиотеке, где наводил порядок, что существует особый цветок. Отвар из его стеблей исцеляет любую болезнь. Любую. Если сердце не перестало биться, он поможет. Animus Vita, так написано в книге. И он есть в оранжерее на крыше этой треклятой башни, на полях была пометка.

Демон знает об этом. Разумеется, он знает. И скрыл от меня, скрыл от всех, кто приходит, чтобы спасти любимых. Ему не нужно, чтобы мы справились. Он не хочет помогать людям, наоборот лишь глумится над нами и ведет прямиком в лапы смерти.

Если кто-то прочтет это однажды, то знай — демон тебя обманывает. Не верь ему. Не верь башне. Не проходи испытания, их цель привести тебя к гибели.

Беги.

Больше не получается думать ясно, руки дрожат. Кажется, за дверью кто-то ходит. Мне нужно идти.

Не верь никому».

Листок выпал из ослабевших пальцев, когда я закончила читать. В висках оглушающе пульсировала кровь, а в груди разрасталось онемение, от которого становилось труднее дышать.

Однако прежде, чем я успела решить, как относиться к написанному, случилось то, чего я никак не могла ожидать.

Резко погас солнечный свет, погрузив все в непроглядную тьму.

Глава 7

Признаюсь, когда вокруг вдруг стало темно, я закричала от неожиданности. Мне понадобилась не одна минута, чтобы перестать метаться в панике по комнате и успокоить надрывно бьющееся сердце.

Отсчитав несколько вдохов, я немного успокоилась, и на неверных ногах подошла к окну. Оттуда на меня немигающим глазом смотрела полная луна, точно такая же, как и вчера.

Такого просто не могло быть, ведь с момента пробуждения прошло от силы пять часов, к тому же, день и ночь не меняются подобным образом. Значило все это только одно, в этом месте время и пространство не работают так, как должны.

От этого осознания стало еще более жутко. Написанное на страницах дневника неизвестного обрело новый смысл. И если верить найденным записям, то я нахожусь в ужасной опасности.

Когда глаза немного привыкли к темноте, я подняла с пола листок, поднесла его к окну, и снова пробежалась взглядом по неровным строчкам.

Все это выглядело подозрительно, как ни посмотри. Если так задуматься, почему я не заметила тайник еще утром?

Он ведь буквально бросается в глаза. Но что, если где-

то наверху действительно есть растение, способное спасти жизнь не только Эриану, но и мне самой?

Когда неправильное солнце в одну секунду сменяется такой же неправильной луной за окном, а вещи двигаются сами по себе, в написанное очень даже верится. Я снова перечитала строчку:

«Проклятье. Я вижу это в его глазах, вижу, как он наслаждается».

Похоже на Дизраэля, глупо этого не признавать. Он ведь откровенно расстроился, когда понял, что я не собираюсь развлекать его задетой гордостью. И не важно, продиктовано поведение этого существа одиночеством или просто природой характера, как говорят легенды.

Сомнения терзали меня, раздирая душу на части. С одной стороны, написанное говорило о том, что человек явно не в себе, он сам признается в состоянии своего рассудка. С другой, если он не выдумал этот Animus Vita, я смогу получить то, о чем не смела даже мечтать.

Шанс на жизнь. Нормальную, долгую жизнь, не приносящую страданий ни мне, ни близким. Жизнь, в которой не нужно испытывать стыд за свой недуг, в которой можно строить планы и хотеть настоящего счастья.

Есть только один способ это проверить.

Сжав в пальцах хрупкий пергамент, я положила его на подоконник и, решительно расправив плечи, направилась к двери.

Пришлось спуститься на двадцать первый этаж, пробираясь по темной лестнице на ощупь, ведь окна имелись только на площадках между пролетами. Там, на кухне, я тоже почти по памяти нашла примеченные еще при дневном свете свечи.

Несколько штук я сунула в удобный карман — неожиданно раскрывшийся плюс одежды, предназначенной для прислуги, а одну погрузила в соль, которую насыпала в глубокую чашку, и зажгла фитиль с помощью огнива.

Вокруг меня распространился теплый, подрагивающий и, вместе с тем, успокаивающий свет. Куда более знакомый и безопасный, чем свет ненастоящей луны за окном.

В попытке сберечь силы, я останавливалась каждые три пролета, давая отдохнуть ногам и восстановиться дыханию, поэтому подъем получился долгим.

Я не знала, сколько этажей в этом проклятом месте, но догадывалась, что очень много. Достичь вершины, выбившись из сил слишком рано, могло оказаться для меня, ослабленной болезнью, невозможным.

Досчитав до пятьдесят второго этажа, я еще больше замедлила шаг, стараясь ступать бесшумно, и даже замерла у прохода, прислушиваясь к звукам за дверью. За ней царил полная тишина.

Мне вдруг подумалось, что если демон не нуждается в еде, то и спать ему вряд ли нужно. Да и какое спать, когда утро наступило всего несколько часов назад?

Оставалось только надеяться, что он занят своими делами. Хотя бы читает ту самую книгу, от которой я его отвлекла, когда принесла завтрак.

Отбросив ненужные мысли, я осторожно продолжила путь.

Кажется, он длился целую вечность. На восемьдесят седьмом этаже я сбилась со счета, а еще через десять подумала: не может ли быть так, что башня попросту бесконечна и никакой крыши с оранжереей у нее нет? И все же упорно продолжила подниматься вверх.

Не зря. После очередного пролета лестница резко удлинилась, а в конце нее показался деревянный люк. Мне понадобилось время, чтобы разобраться, как он открывается, и взобраться по приставной лесенке наверх, но оно определенно того стоило.

Оранжерея поразила меня с первого взгляда, вернее, даже не она, а огромный стеклянный купол вместо крыши, из-за границ которого на меня смотрело невозможно звездное небо.

Чернильную бесконечность рассеивало неисчислимое количество огней, они складывались в мерцающие нити, окруженные будто бы цветным дымом, и от этого зрелища перехватывало дыхание. Даже несмотря на то, что оно представляло собой очередную иллюзию башни, потому как из окна небо выглядело иначе, затянутое густыми облаками.

Воздух в оранжерее отличался, он был очень влажным и

густым, здесь пахло землей и цветами. Вдоль стен тянулись ряды клумб, уходящих далеко в полумрак, а центральная часть походила на лабиринт из дорожек между бесчисленными растениями.

Сначала я испугалась, что в таком изобилии не смогу найти то, что мне нужно, ведь даже не представляла, как может выглядеть этот цветок, но все-таки решила попытаться, раз уж пришла. И когда я приблизилась к раскидистому растению в глиняной кадке, сразу заметила небольшую табличку, на которой чья-то рука вывела чудное название — *Ficus*.

Я никогда не слышала о таком, хотя одно время увлекалась ботаникой, но не придавала этому особенного значения, ведь по определению не могла знать всего.

Спустя долгие минуты или часы блужданий, когда вести счет времени стало уже невозможно, я наконец-то нашла его.

Совершенно неприметный, как и многие самые важные вещи. *Animus Vita* представлял собой низенькое растение с ветвистым стеблем и множеством круглых листочков, который венчал зонтик белого соцветия.

Замерев в нерешительности, я только сейчас поняла, что не знаю как поступить. Ради этого цветка я рискнула разозлить демона, проделала невероятно тяжелый для себя путь, и вот он — передо мной, а внутри нет ни радости, ни понимания, что делать.

Дизраэль ведь не говорил, что решив пройти испытания, я не смогу уйти в любой момент, верно? И в бабушкиной

сказке о таких условиях тоже не говорилось. Тогда... что меня останавливает?

Дыхание перехватило от мысли, что я смотрю в буквальном смысле на надежду. Слезы подступили к глазам, когда воображение нарисовало будущее, какое никогда в нем не рождалось.

Никаких приступов и ожидания, когда болезнь сломит меня настолько, что я не смогу встать с постели. Никаких перчаток, превратившихся во вторую кожу. Счастливые лица родителей, которые не вынуждены больше смотреть как увядает их ребенок. Может, даже моя собственная любовь, мои дети, которых я никогда не позволяла себе представлять?

Смахнув рукавом скатившуюся по щеке слезу, я судорожно вдохнула.

Разве может все быть так просто?

«Демон знает об этом. Разумеется, он знает. И скрыл от меня, скрыл от всех, кто приходит, чтобы спасти любимых. Ему не нужно, чтобы мы справились» — встала перед глазами кривая строчка.

В груди стало тесно, я будто бы даже услышала смех поганца Дэнни и заливистые крики: «Заразная! Заразная Лиска! Не подходи! Бегите, она чумная!»

И дрожащие руки сами потянулись к Animus Vita, к вере, что еще можно обрести то, на что я не имела права надеяться.

Глава 8

Пальцы почти коснулись стебля, но сжались в кулак, схватив лишь воздух рядом с ним. Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох, и протянутая рука обессиленной плетью рухнула, оставшись безвольно висеть вдоль туловища.

Даже если найденные записи правдивы, нельзя слепо верить им, купившись на обещания получить самое желанное. Потому что если они ложные, я потеряю единственный верный шанс спасти хотя бы племянника.

Я подняла взгляд к куполу, за которым простиралось бесконечное звездное небо. Множество ярких огней жались друг другу, притягиваясь великими силами вселенной, они напоминали горящую пыльную ленту, протянутую через весь небосвод.

Интересно, после смерти я смогу стать одной из них? Хотя бы пылью, что окружает эти яркие огни.

За спиной слышались громкие хлопки. Ладони мгновенно вспотели, а сердце гулко ухнуло вниз.

Вздвогнув всем телом, я резко обернулась, одновременно чувствуя, как все внутри сжимается от страха.

За моей спиной стоял Дизраэль, он нарочито медленно и звучно хлопал в ладоши.

— Браво, — уголки его губ поднялись вверх, и они становились тем чернее, чем шире растягивалась улыбка, обна-

жившая заострившиеся зубы. — Поздравляю.

— С чем? — прошептала я, едва живая от ужаса.

— С прохождением первого испытания, — вкрадчиво ответил демон, и в несколько гибких, плавных шагов приблизился ко мне. — Что тебя остановило?

То, что от полного провала меня отделило всего мгновение, всего одна единственная мысль, оглушило меня еще больше.

— Я... просто я подумала, что если ошибусь, могу потерять то, что на самом деле возможно, — произнесли дрожащие губы. — Неужели все так просто?

Демон тихо рассмеялся. Низко, гортанно, и в этом смехе мне почудилась глубина, сравнимая с пропастью, что разделяла меня с бессмертным существом.

— А просто ли? Разве для тебя оказалось легко отказаться от самого желанного? Или ты не хочешь жить, Талисса Новертон? Впрочем, цветок — это просто растение, наделенное человеческими заблуждениями.

Опустошение. То, что я почувствовала, лучше всего описывало одно единственное слово — опустошение.

— Выходит, — бесцветно заговорила я, глядя сквозь насмехающегося Дизраэля, — те записи не были настоящими.

Я констатировала факт, а не задавала вопрос, но демон неожиданно ответил:

— Почему же? Ты получила именно эту комнату только потому, что в ней жил он. Смешной был человек, слабый, я

сразу понял, что он никогда не справится с этим местом. И книга, которую он нашел, тоже была настоящей. В местах, где растет этот цветок, люди действительно верят, что он исцеляет все болезни.

— Но это не так, верно? — все-таки решилась спросить я.

Дизраэль задержал на мне долгий взгляд, а затем, усмехнувшись своим мыслям, вдруг склонился и сорвал один цветок. Медленно, глядя глаза в глаза, он поднес Animus Vita к моим волосам и аккуратно погрузил в волосы, так неуместно украсив растрепанную прическу.

Замерев, я почувствовала, как от этого мимолетного жеста сердце в груди забилося быстрее.

— Верно. Некоторые люди выздоравливали, выпив отвар из этих стеблей, но лишь потому, что их тело само справлялось с хворью. Вам так легко поверить в то, во что очень хочется верить, Талисса. Например, что демоны всегда лгут.

— А это не так?

— Я слишком долго живу, чтобы врать.

Стало нестерпимо смешно и горько. Спазм сдавил горло, заставляя сглотнуть в попытке прогнать комок, мешающий вдохнуть.

Было бы так замечательно, если бы демон, исполняющий желания в башне, представлял собой олицетворение злобы и коварства, если бы можно было просто сварить цветок и вылечиться от чего угодно. Но по всему выходило, что Дизраэль в своей едкости прав.

До какого ужаса довел себя человек, спрятавший хронику своего безумия в стене полупустой комнатухи? Во что он заставил себя поверить, лишь бы не признавать, что простых путей попросту не бывает?

Как и говорила бабушка, с некоторыми вещами каждый из нас должен суметь смириться. Просто принять естественный ход вещей, даже если он кажется несправедливым. И еще я вдруг вспомнила другие ее слова, которые подсказывали, как узнать, что представляет из себя человек.

Может, и с демоном этот способ сработает?

— Дизраэль? — нарушила я молчание, в котором каждый из нас задумался о своем.

— Да?

— Все приходят сюда, чтобы исполнить желание. Но ты сам о чем мечтаешь больше всего?

Демон вскинул брови и иронично сверкнул золотом чуть прищурившихся глаз.

— В определенный момент желания становятся все проще и проще с каждым годом. У меня осталось только одно — убратся из этого места. Даже убивать больше никого не хочется.

Признание оказалось настолько неожиданным, что я почувствовала, как вытягивается мое лицо, а брови изумленно ползут вверх.

— Тогда почему ты не уйдешь?! — воскликнула я.

— А ты почему не вылечишься от чернильной смерти?

— усмехнулся Дизраэль. — Наши ответы совпадут, Талисса. Но тебе не стоит об этом задумываться. Лучше постарайся пройти все испытания и выжить. Тогда сможешь спасти своего племянника.

Слова демона как будто должны были прозвучать ободряюще, но вместо этого заставили что-то глубоко внутри болезненно сжаться.

Мне всегда с невероятным трудом давалась честность с самой собой.

По правде сказать, больше всего на свете я желала жить. Долго. Счастливо. Продолжить дело отца, увидеть мир и когда-нибудь создать собственную семью. И невозможность этого будущего резала сердце наживую, вскрывая потаенный голос, который я запрятала внутри себя. Тот самый, что кричал: *«Я не хочу умирать»*.

А цветок в моих волосах оказался просто цветком. Ничем не закрепленный, он слегка покачивался при малейшем движении, такой же зыбкий, как иллюзия, которую олицетворял для меня Animus Vita.

— Легко говорить тому, у кого впереди, судя по всему, целая вечность, — блекло произнесла я, не успев подумать, стоит ли.

Но Дизраэль не разозлился и даже не стал насмехаться. Вместо этого он вдруг поднял взгляд наверх и произнес:

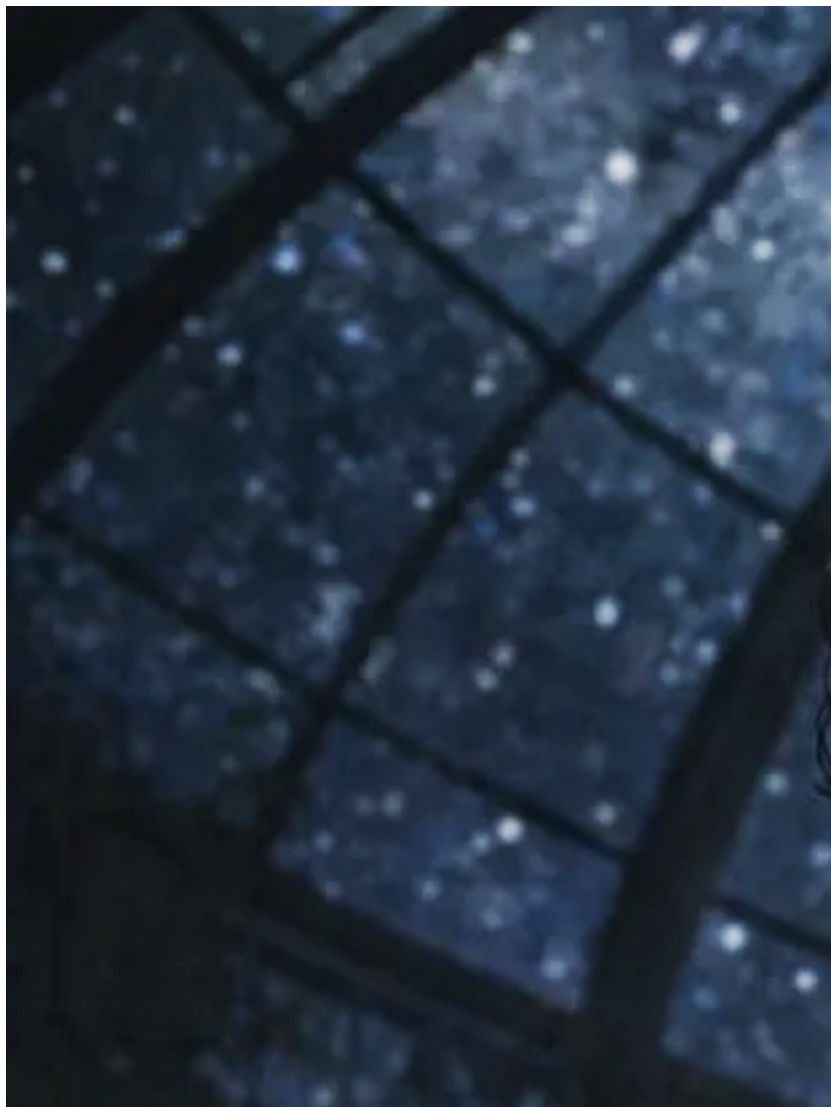
— Чем страдать по несбыточному и думать о том, что чье-то положение лучше твоего, лучше посмотри на небо, Талис-

са. Вы так цепляетесь за свою короткую жизнь, что даже не видите ее толком.

Наверное, я могла бы оспорить его слова, может, испытать раздражение из-за такого перевода темы. Однако в тот момент нечто глубинное внутри меня услышало Дизраэля и согласилось с ним.

Я подняла взгляд к небу, позволив заморозить себя его неземным сиянием.

Мы долго стояли там друг напротив друга. Молча, демон и человек, каждый со своими страстями и обреченностью. Он смотрел на звездное небо с легкой улыбкой, но в золотых глазах читались бесконечная усталость и тоска, а я не улыбалась, но смотрела так, будто за границей стеклянной клетки сияет сама жизнь.

Глава 9

Первое испытание оказалось одновременно легким, и вместе с тем едва не закончило мое пребывание в башне полным провалом.

Вернувшись в свою комнату, я без сил рухнула на кровать, чувствуя невероятную усталость, и предпочла не думать об играх времени в этом месте.

Жесткая постель дохнула на меня смесью пыли и затхлой влажности. Меня безудержно клонило в сон, и я позволила себе провалиться в непроглядную черноту без сновидений, приносящую покой. А «утром», что бы ни значило здесь это слово, отправилась на кухню готовить завтрак в соответствии с уговором.

На кухне, пока разгорался очаг, пожирая древесное тело полений, я нашла стеклянный стакан, налила в него воды и поставила цветок из оранжереи.

Он почти завял, стебель печально изогнулся, как и поникшие лепестки, но все еще мог немного постоять, прямо как я сама. Хрупкое напоминание о том, что даже увядание может быть красивым.

Тяжело вздохнув и собравшись с мыслями, я обдумала, что буду готовить сегодня.

Глупо не признавать, что после того разговора в оранжерее я прониклась, совсем немного, чем-то похожим на со-

чувствие к Дизраэлю. Как бы я сама чувствовала себя, запертая в этих стенах так долго без возможности уйти?

Невольно захотелось привнести в его бесконечные дни хоть что-то приятное. Обязанность готовить еду для существа, которое в ней не нуждается, перестала казаться бессмысленной и жестокой.

Задумавшись, какая еда мне самой всегда поднимала настроение, я сразу вспомнила про мамин пирог с курицей, тот самый, о котором вспоминала, блуждая в лесу. И естественно, решила в итоге приготовить именно его, добавив для свежести салат из свежих фруктов, заправленный сметаной с сахаром.

Благо, на кухне нашлось все необходимое, а я успела смириться с мыслью, что все это место не поддается объяснению и свежие продукты, появляющиеся из ниоткуда — меньшая из странностей.

Скажем, пока готовила, я заметила, что многие предметы оказываются не там, где были оставлены. Отложенный венчик нашелся на своем месте полностью вымытый, поставленная размораживаться курица сама собой переместилась в холодильник, а корзина с фруктами очутилась под столом.

Все это могло бы напугать, если бы не все, что произошло со мной в башне за один единственный день. Для себя я приняла решение ничему не удивляться и принимать как данность, по крайней мере до тех пор, пока ничто не угрожает моей безопасности.

Та же игра с вещами и продуктами на кухне больше походила на детскую проказу, чем на повод для волнений. В подобные прятки со мной любили играть братья, когда были еще совсем малышами.

Сама поев, я насладились вкусом из детства, хоть он неуловимо отличался от того, как пирог получается у мамы, будто не хватало ее особенной любви к семье. После я собрала завтрак для Дизраэля и в на удивление приподнятом настроении отправилась на пятьдесят второй этаж.

Подниматься пришлось быстро, чтобы пирог не успел остыть, и далось мне это с трудом, но все же я чувствовала себя намного лучше, чем когда несла еду для демона в прошлый раз.

Дизраэль нашелся все в той же гостиной, которую, кажется, воспринимал как свою комнату, а может, он специально приходил сюда, чтобы я его нашла. Не знаю, в любом случае он стоял у окна и смотрел на замерший во времени солнечный диск.

Глядя на его профиль, я невольно вспомнила, как он точно так же смотрел на звезды, и бессознательно залюбовалась.

Как можно было наделить столь опасное существо такой притягательной внешностью? Высокий, статный, четкая линия подбородка ведет к напряженной широкой шее, огибая чуть выступающий кадык.

Чуть ниже челюсти проступала едва заметная вена, и мне даже почудилось, что я вижу, как она размеренно пульсиру-

ет.

Пришлось тряхнуть головой, сбрасывая наваждение и вспоминая, каким предстал передо мной Дизраэль впервые. Что он — не человек.

— Доброе утро, — поприветствовала его я и даже позволила себе улыбнуться. — Мне поставить на стол?

Демон отклонил голову чуть назад, чтобы посмотреть на меня, и я замерла под спокойным прямым взглядом золотых глаз.

— Да, поставь, — сказал он. — Почему сама ешь на кухне?

— А... — растерянно протянула я. — Ну, ты сказал просто готовить для тебя, я не подумала, что...

Усмехнувшись моей заминке, Дизраэль спрятал большие пальцы в карманы брюк, подошел к столу, где я накрывала завтрак, и продолжил за меня:

— ...что можно есть вместе?

— Да, именно так, — пристыженно признала я, резко выдохнув напряжение из своих легких.

Стало мучительно неловко, и одновременно из груди поднялось раздражение.

Почему мне вообще должно быть стыдно? Он ведь не слишком старался расположить меня к мысли, что с демоном можно разделить трапезу и вести светскую беседу.

— По крайней мере, ты не пытаешься убить меня знаменем Актора или уличить в виновности за все беды этого

мира, — хохотнул он. — Уже неплохо.

Дизраэль смеялся, ему, кажется, это действительно казалось смешным, а мне вдруг стало грустно. Ведь еще вчера я мыслила примерно в таком ключе, точно такая же, как и все остальные.

Пока демон ел, я опустилась все в то же кресло напротив и, отмахнувшись от непрошенных мыслей, спросила, обведя взглядом комнату:

— Здесь так много вещей, откуда они?

— Если я начну перечислять, ты состаришься раньше, чем пройдешь испытания, — Дизраэль спрятал улыбку за чашкой, отпив кофе. — Если вкратце, все это принесли люди, которые приходили в башню с момента ее появления.

— А продукты на кухне? Откуда берутся они?

— Из реальности, — пожал плечами Дизраэль. — Очень простая магия, Талисса. Ты сама может даже когда-нибудь сталкивалась с тем, как что-то пропадает, будто сквозь землю проваливается, но не находила объяснения. И вряд ли задумывалась об этом дольше, чем на секунду, потому что башня забирает только излишек. Скажем, курица, которую ты использовала для пирога, испортилась бы и оказалась выброшенной, если бы не оказалась у тебя.

Первым порывом было спросить, можно ли в таком случае получить здесь любую вещь, но я поймала совершенно другую, куда более важную мысль:

— Ты сказал: «из реальности». Это место не настоящее?

Демон чуть склонил голову к плечу, кажется, его забавляли мои вопросы.

— Смотря как посмотреть, — скаламбурил он. — Башня находится вне корневого пространства-времени, поэтому за окном небо одно, а в оранжерее — другое, они из разных мест. Наверняка ты задалась этим вопросом.

— А почему всегда полдень или глубокая ночь?

— Мне так удобно, — с ошеломляющей легкостью объяснил Дизраэль, ввергая меня в шок.

Какими же силами на самом деле он владеет? Это ведь выходит за рамки разумного, просто невозможное могущество. И самое главное, каким образом кто-то вроде него не может просто взять и уйти отсюда?

Я нахмурила брови, остро почувствовала складку, которая образовалась на переносице.

— Ты способен на подобное и все равно вынужден сидеть здесь в вечном одиночестве?

Дизраэль вскинул бровь и пронзил меня странным взглядом исподлобья, от которого я невольно сглотнула.

— Ты, никак, решила меня пожалеть? Так очаровательно.

— Просто пытаюсь узнать тебя немного.

Хотелось раздраженно махнуть рукой, разочаровавшись в том, что мою попытку понять демона сочли забавной, но вместо этого я замерла и резко вздрогнула.

Тело пронзил необъяснимый жар, сердце сильнее заби-лось, качая кровь, быстрее побежавшую в венах. Меня как

молнией поразило странное, незнакомое и неуместное, всепоглощающее чувство.

Дизраэль откинул назад голову, допивая кофе, и одна капля пролилась из уголка его губ, стремительно сбегая вниз, достигая шеи.

Я застыла, не в силах оторвать взгляд от этой капли, чувствуя, как пересыхает горло и сбивается дыхание, как растет напряжение внизу живота, отдаваясь резонансом по всему телу.

Мне непреодолимо, просто неудержимо захотелось узнать, каким будет вкус кофе, если слизнуть его с этой невероятной соблазнительной шеи.

Неправильность и чуждость этой мысли пронзила меня мучительным стыдом и страхом.

— Ты что-то делаешь со мной? — хотела сказать, но прошептала я в пугающей догадке.

Губы Дизраэля сложились в коварную улыбку.

— Да.

Глава 10

Демон медленно опустил чашку на стол, а затем взял салфетку и вытер ею шею, и даже этот простой жест вызвал во мне неконтролируемую дрожь.

Я безвольно наблюдала, одержимая неизвестным мне прежде голодом, как он встает и подходит ко мне, берет за руку и тянет на себя. Прикосновение кожа к коже пронзило тело волной возбуждения, позволяя впервые по-настоящему узнать, что значит это слово.

— Встань, Лисса, — обволакивающе произнес Дизраэль, и голос его прозвучал ниже, чем обычно, будто шел из глубины груди, отзываясь мурашками, которые покрыли мои руки и ноги.

Тело словно перестало мне подчиняться. Завороженная этими гипнотическими глазами, чей взгляд, казалось, проникал под кожу, бархатистым тембром голоса, я послушно встала.

Ноги так сильно дрожали, что я бы точно упала, но демон не дал мне это сделать. Он провел руками вдоль моего тела и, схватив чуть ниже талии, резко прижал мои бедра к своим, вызывая такую бурю ощущений, что с губ сорвался то ли выдох, то ли стон.

Своим телом я отчетливо почувствовала то, что приличная девушка должна стыдиться называть вслух, но испытала

что угодно, кроме стыда.

— Прекрати, — испуганно выдохнула я, но прозвучало это не так, как должно, когда человек боится. — Перестань, прошу.

Дизраэль иронично изогнул бровь, в его глазах загорелись дьявольские искры.

— Зачем? Разве тебе не нравится?

— Нет, — с напряжением выдавила я. — Это не по-настоящему. Перестань, умоляю.

Губы послушно складывались, пропуская сквозь себя слова, которым полностью противоречило тело, прижавшееся к демону сильнее.

Руки сами скользнули к его плечам, ощутили твердость мышц, как они напрягаются под рубашкой, отзываясь на мои прикосновения. Его тело так сильно отличалось от моего собственного, неизведанное и манящее, и его запах, терпкий и будоражащий — они сводили меня с ума.

Пальцы жадно вцепились в ткань, притягивая Дизраэля еще ближе.

Демон тихо засмеялся и с ленивым любопытством провел большим пальцем по моим губам.

— Какая разница, по-настоящему это или нет?

— Для меня она есть, — из последних сил выдохнула я и вместе с тем чуть прогнулась в пояснице.

Дизраэль позволил мне отклониться немного назад, открывая шею, и, склонившись, провел носом вдоль нее, шум-

но вдыхая аромат моей кожи.

— Просто не сопротивляйся, — сверкнул он золотом глаз.
— Люди все равно не способны устоять передо мной. Особенно такие как ты, не знавшие опыта, — прошептал он мне в ухо, обжигая его горячим дыханием. — Скажи «да», Лисса. Ты можешь испытать то, что тебе никогда не сумеет дать человеческий мужчина.

Он прекрасно видел, как я плавлюсь в его руках, как сгорает моя решимость оставаться собой, но в невозможных, бесконечных как небо глазах не видела того же, что происходило со мной. Поэтому, только поэтому смогла сказать:

— Нет.

В тот же миг одержимость схлынула, оставив после себя отголоски напряжения, горячую влагу между ног и безумный стыд за нее и за то, что творило предательское тело. И еще невероятную злость.

С силой я попыталась оттолкнуть демона от себя. Он ни на миллиметр не пошатнулся, даже не дрогнул, но в итоге сам отпустил меня.

Его губы исказила коварная полуулыбка.

— Зря.

Шумно набрав в грудь побольше воздуха, я прокричала:

— Никогда не смей меня трогать!

Дизраэль сложил руки на груди и с тяжелым вздохом закрыл глаза.

— Не кричи, я же ничего не сделал.

В его понимании, наверное, так оно и было, но мое очень сильно отличалось.

— Сделал! И не вздумай больше звать меня Лиссой, это имя для близких, — выдавила я сквозь зубы. — Ты подонок!

— Нет, — развеселился Дизраэль. — Я — демон.

Улыбка на его лице выглядела настолько легкомысленной, что на мгновение я потеряла связь с реальностью. Не видя ничего вокруг, я сделала шаг вперед, с силой замахнулась и отвесила наглецу пощечину.

Звук получился настолько громкий, что казалось, будто даже стекло в окне зазвенело, и он мигом привел меня в чувство.

Я осознала, что натворила и отступила назад, рефлекторно схватив собственную руку, которой нанесла удар. Та болезненно пульсировала, подтверждая, что ошибка действительно совершена, и ее не повернуть вспять.

— Прости, я не хотела, — испуганно пролепетала я, с ужасом уставившись на демона.

— Хотела, — ухмыльнулся он почерневшими губами, обнажая заострившиеся зубы. — И я позволил, потому что, судя по бурности реакции, наверное, заслужил. Но это в первый и последний раз, Талисса.

Сердце колотилось в грудной клетке пойманной птицей, отвечая на ужас, сковавший оцепеневшее тело.

— За что ты так со мной? Я ведь просто хотела тебя понять.

— А я тебе дал такую возможность, — Дизраэль шагнул вперед и склонил свое лицо к моему, зная, что сейчас я не в состоянии отстраниться. — Ты ведь хотела узнать меня? Я увидел твой интерес и не нашел причин отказывать в возможности его удовлетворить.

— Мой интерес не такой!

— Понял я уже, — демон сморщил нос и отступил. — Какие люди проблемные. Мне не то чтобы сильно нужно твое тело, можешь не переживать за его глупую сохранность.

— Как я могу доверять твоим словам, если... — начала я, но Дизраэль перебил.

— Я не занимаюсь насилием, — произнес он, махнув рукой, а затем широко улыбнулся. Для него происходящее представляло собой не более чем занимательную игру. — Но, если передумаешь и захочешь сказать «да», я всегда открыт к твоим предложениям. Тебе не мешает немного расслабиться, чрезмерная серьезность превращает жизнь в одну сплошную тоску.

Я буквально задохнулась от возмущения, отчаянно хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная волной на берег. И почти нашлась, что сказать, но на долю секунды моргнула, а когда открыла глаза обнаружила, что в гостиной кроме меня больше никого нет.

Глава 11

Злость на демона пожирала меня изнутри, вытеснив абсолютно все остальное.

Побродив по этажу я нашла общие душевые, и только краем сознания подивилась, как в древней башне настолько быстро оказываются самые последние изобретения.

Остервенело натирая себя мочалкой, которую нашла здесь же, я невольно приговаривала:

— Возмутительно! Недопустимо! Мерзавец!

То, что ему скучно, а слово «приличия» явно не знакомо, не давало Дизраэлю право делать подобное со мной.

Последней каплей стал резкий хлопок, возвестивший, что демон решил сменить день ночью, потому что «ему так удобно». Я в голос взвыла, заканчивая мыться в полной темноте.

Совсем немного меня смягчило обнаруженное в комнате платье, мое собственное, чистое и выглаженное.

Воображение живо нарисовало Дизраэля, греющего утюг над углями, но разум быстро напомнил, что существо, имеющее здесь власть над сменой дня и ночи, определено лишено бытовых трудностей. В отличие от меня.

Переодевшись в нормальную одежду, я легла на застеленную постель и уставилась в потолок. Гнев понемногу стихал, оставляя за собой опустошение, смешанное со смущением.

Разумеется, никакой сон ко мне не приходил, я же по сути

только недавно проснулась.

Но я все же закрыла глаза в попытке расслабиться, и тут же их распахнула, потому как в темноте меня снова настигли его руки, его дыхание на моей шее.

Память мгновенно воскресила пережитые ощущения, сердце заколотилось, и кровь тут же прилила к лицу, заставляя меня прижать ладони к пылающим щекам и мучительно взвыть.

— Ну за что мне это?!

Наверное, я бы не реагировала столь бурно, если бы обладала хотя бы каким-то опытом. Но разве мне, знающей, что жить осталось совсем недолго, было дозволено хотя бы подумать о том, чтобы полюбить? Связать себя чувствами с женщиной и выйти за него замуж, возможно еще и ребенка зачать?

Ведь в моей голове то, что позволил себе Дизраэль, могло произойти только в браке. А я прекрасно понимала, что не могу заставить кого-то испытать такую невыносимую боль. Мне хватало взглядов родителей, но они хотя бы сами выбрали для себя эту роль, знали, что один ребенок гарантированно умрет.

Не скажу, что никогда не испытывала влюбленности, но она никогда не выходила за пределы моей головы и не имела ничего общего с вожделением.

Однажды, когда я уговорила отца дать поработать в нашей канцелярии, на должность главного счетовода взяли моло-

дого человека из очень хорошей семьи. Наши отцы, можно сказать, дружили, но не настолько, чтобы устраивать семейные визиты друг к другу.

Его звали Финиман, очень открытый и светлый человек, любезный абсолютно с каждым. В канцелярии, да и на производстве, его все просто обожали. И со мной, конечно же, Фин тоже был крайне обходителен.

Однажды он помог мне с расчетами, и с тех пор я малодушно стала ходить к нему за советом даже тогда, когда на самом деле не имела вопросов. Мне было достаточно слушать его, смотреть, как тщательно он объясняет и показывает то, что я и так знала.

Кажется, Фин догадался в какой-то момент, ведь я с первого раза во всем «разбиралась» и порой приходила со слишком простыми вещами, понимая куда более сложные. И к моему изумлению, симпатия оказалась взаимной.

Он пригласил меня поужинать в ресторацию неподалеку от канцелярии, а я неловко отказалась, сославшись на неотложные дела. И во второй раз. И в третий. Тогда предложения прекратились.

Через четыре месяца отец вернулся домой очень довольный и за ужином поделился чудесной новостью: его главный счетовод решил остепениться, несмотря на юный возраст, а семейные люди, они ведь самые надежные.

В тот же вечер я сообщила, что считаю набранный опыт достаточным и больше никогда не появлялась в канцелярии.

Душу раздирало от боли, от такой несправедливой первой любви, и я решила, что сделаю ее последней. С тех пор я не позволяла ни одному мужчине приблизиться к себе достаточно, чтобы появился хоть крохотный шанс испытать какие-то эмоции.

С Дизраэлем все воспринималось иначе. Он не воспитанный и внимательный Финиман, никаких робких взглядов и нерешительных улыбок.

Та влюбленность была очень тихой, почти детской, но настоящей. Демон же обрушился на меня как лавина, он просто брал то, что показалось ему любопытным, навязывая влечение, которое я не способна прожить.

Я оказалась просто не готова к подобному. И слава Актору, что мне хватило воли сказать «нет», когда губы уже собирались произнести «да», а тело и вовсе сделало это, сломленное первым.

Успокаивало лишь то, что отказ имел значение и не воспринимался как жеманное согласие.

Поняв, что покоя мне все равно не будет, я решила сходить на кухню и приготовить что-нибудь поесть. Для себя. Буду я теперь с ним трапезничать, ага. Не бывать этому!

В комод лежали свечи, которые я прихватила, когда отправилась на поиски оранжереи, но огниво взять с собой не догадалась, поэтому пришлось снова спускаться на двадцать первый этаж на ощупь.

Однако, когда дверь в кухню оказалась в пределах види-

мости, я настороженно замерла.

Из-под порога виднелся свет, а слух уловил приглушенные звуки, говорившие о том, что там кто-то хозяйничает. Подойдя чуть ближе, я почувствовала и аромат травяного чая.

Кроме нас с демоном в башне никого не было, поэтому это мог быть только он. С мыслью, что он решил выключить солнце затем, чтобы попить чаю, который ему не нужен, я в гневе распахнула дверь и застыла.

У стола хлопотал вовсе не Дизраэль, а высокий и жилистый мужчина с огнем нестерпимо рыжих волос, собранных в низкий хвост. И в правой руке он сжимал нож, направленный прямо на меня.

Серые глаза впились в меня с подозрением и растерянностью, он явно ожидал увидеть кого-то другого.

Подняв руки в знак добрых намерений, я отступила на шаг назад и осторожно спросила:

— Простите, вы кто?

Глава 12

Настороженность в глазах мужчины сменилась осознанием, что я очевидно не представляю для него опасности. Его плечи опустились, вся фигура будто немного обмякла, и неизвестный медленно положил нож на стол.

— Приношу извинения, девушка, — произнес он низким,

чуть хриплым голосом. — Я думал, пришла эта тварь.

— Тварь? — я непонимающе хлопнула ресницами.

— Демон этой башни.

Мои брови медленно поднялись вверх.

Наверное, Дизраэль не заслуживал того, чтобы о нем переживать, но мне все равно невольно стало обидно за него. Неприятно, когда человек называет тварью того, кого пришел просить исполнить собственное желание.

В который раз голову посетила мысль, что демон относится к людям с пренебрежением не просто так, отнюдь не на пустом месте.

— Давайте не будем столь категоричны, — я постаралась улыбнуться как можно мягче. — Полагаю, вы сильно устали и не до конца понимаете, что происходит. Я тоже пришла сюда просить об исполнении желания, меня зовут Талисса Новертон. А вас?

Поколебавшись, мужчина отодвинул один из стульев и сел, жестом приглашая последовать его примеру.

— Элиас Кархайген, — представился он.

Фамилия звучала странно. Несмотря на свой более чем широкий кругозор и знание многих языков, я не смогла понять, из какого уголка мира этот человек.

Приближаться к незнакомцу было немного страшно, но я все же взяла себя в руки и осторожно села напротив — так нас разделял хотя бы стол.

Настороженность могла показаться чрезмерной, с учетом

того, что мужчина быстро достал из шкафа с посудой еще одну чашку и налил мне чаю, но всегда лучше лишний раз перестраховаться, чем потом оказаться в неприятной ситуации.

С удовольствием пригубив предложенный чай, я произнесла:

— Итак, Элиас, у вас, наверное, сейчас много вопросов? Раз так вышло, что мы оказались здесь одновременно, я готова поделиться всем, что успела узнать.

Не знаю, сколько именно мы просидели, обмениваясь известной информацией, я не посмотрела на часы, когда вошла.

Довольно много внимания я постаралась уделить мысли, что демон башни — создание своеобразное, точно не святое, но и не воплощение зла. Мужчина моими выводами не впечатлился и мнения не поменял, но одно стало ясно: Элиас точно не плохой человек.

Оказалось, что он пришел просить башню об отце. Их компания производила изделия из редкого металла, и недавно последний рудник с сырьем опустел. Дело терпело беспрецедентные убытки, все шло к тому, что вскоре им придется закрыться.

Кому-то может показаться, что это недостаточная причина, чтобы рисковать жизнью и обращаться к демону, а Элиас знал, каким образом исполняются желания, но для его отца компания после смерти жены стала единственным смыслом.

Тем, что держало его в мире живых.

Элиас замолчал, когда рассказал свою историю, и глядя на дно опустевшей чашки, добавил:

— Понимаете, Талисса, отец стал таким... слабым, когда мать нас покинула. В нем будто свет погас. Он долго не мог понять, зачем ему вставать по утрам, есть, да даже ругаться со мной, а он тот еще спорщик. И потом понял, что компания привносит в его жизнь хоть какой-то смысл. Я люблю его, и не хочу потерять. Не могу допустить, чтобы судьба забрала у него все.

Я понимающе кивнула, чувствуя, как что-то в душе откликается на его слова.

Любовь сына к отцу делала Элиаса каким-то настоящим и понятным, а мягкость и деликатность, с которой он говорил, невольно располагали к себе.

— Слава Актору, что у нас есть возможность изменить то, что людям не под силу, — я успокаивающе коснулась его руки.

Элиас проследил за этим движением и поднял на меня такой взгляд, что я тут же убрала свою руку, но постаралась сделать это не слишком очевидно, чтобы не задеть. А следующий вопрос мужчины полностью стер этот момент из моей головы:

— Актор — это кто? Так зовут демона? Вы его восхваляете, Талисса?

Я непонимающе уставилась на человека напротив. Нет ни-

кого на свете, кто бы не знал имени творца, это было известно мне со стопроцентной точностью.

— Вы решили подшутить надо мной? Сейчас не лучшее время.

— Ни в коем случае! — искренне возмутился Элиас. — С чего вы взяли?

— Ну, просто, разве есть хоть кто-нибудь, кто не знает, как зовут создателя нашего мира?

Мы столкнулись взглядами, полными одинакового непонимания. Элиас нахмурился, а затем предельно серьезно спросил:

— Талисса, как называется страна, в которой вы живете?

— Вы не можете не знать, что Запретный лес с этой башней находится на территории королевства Элатрион. Я родом из столичного пригорода, но мы с семьей давно переехали ближе к месту, где производятся наши книги, это недалеко от леса.

Элиас задумчиво потер щетинистый подбородок, он выглядел до крайности обескураженным.

— Кажется, я понял, что происходит. Н-да, об этом в книге не писали, поразительно.

— Вы вообще о чем? — не выдержала я.

— Дело в том, — не стал томить меня Элиас, — что я никогда не слышал ни об Акторе, ни о королевстве Элатрион. Для меня башня стоит высоко в горах, настолько высоко, что мне едва удалось до нее добраться. Мы из разных миров, Та-

лисса, вот какой вывод я делаю. И это место, судя по всему, дает нам возможность понимать друг друга, хотя определенно мы говорим на разных языках. Это магия невообразимого порядка, и она чертовски пугает.

Невообразимого порядка была не только магия, но и шок, который я испытала. Мне никогда и в голову не приходило, что может быть еще какой-то мир, другой, кроме моего.

Сразу стало очевидно, почему многие вещи в гостинной Дизраэля показались мне странными и непонятными. Они попросту не принадлежали моему миру.

Элиас обрушил тяжелую ладонь на стол, заставив меня вздрогнуть от неожиданности.

— Пожалуй, я отправлюсь спать, — произнес он и со скрипучим стоном потянулся. — И вам, Талисса, того же советую.

— Да, конечно, отдыхайте, — сбивчиво ответила я, все еще пораженная внезапно открывшейся истиной и спать совсем не хотевшая.

Элиас коротко поклонился, чем снова сбил меня с толку — у нас так не прощались. Ну, может, лет триста назад разве что.

Остановившись у самой двери, он вдруг обернулся и застыл на мгновение, будто обдумывая, стоит ли говорить то, что он собрался. И, наконец, произнес:

— Вы сказали, Дизраэль убедил вас, что ни в чем не лжет. Вы не думали о том, что он может действительно говорить

правду, но никогда — всю?

Обескуражив меня еще сильнее, новый сосед по несчастью покинул кухню, оставив меня наедине со своим вопросом.

Глава 13

Когда Элиас ушел, я налила себе еще чаю, и долго сидела, обдумывая наш разговор.

Стало понятно, почему Дизраэль снова внезапно поменял день с ночью, вероятно, он встречал нового страждущего, добравшегося до башни. Напрашивался вывод, что найти ее можно, только когда в твоём мире наступает ночь.

Перед внутренним взором как наяву встал образ демона, такой, каким я увидела его, когда сама впервые оказалась на пороге этого места.

Внушительный, с грубой и одновременно выглядящей как хрупкий высохший пергамент кожей, с головой, увенчанной массивными рогами.

За эту пару дней я почти забыла, как он на самом деле выглядит, ведь Дизраэль мне в таком виде больше не являлся, только в самый первый раз. Разве что фраза «показать зубы» для меня обрела новое, дополнительное значение.

Элиас заронил в мою душу зерно сомнения своими словами, и оно упало в благодатную почву.

В конце концов, я ведь спрашивала демона, например, откуда все вещи, которые загромождают его гостиную. Он ответил, что из разных мест, как и небо, но не уточнил, что места эти принадлежат разным мирам. Почему?

Пока я допила чай, вопросов появилось еще больше, и от-

веты на них могло дать только одно существо.

Кажется, придется поступиться своим «никогда не быть совместным трапезам» и наведаться на пятьдесят второй этаж, тем более, как раз близилось время обеда.

Будто по заказу с уже почти привычным хлопком включилось солнце, наполнив комнату ярким естественным светом. Раз даже светило так удачно вновь появилось на небосводе, я глубоко вдохнула, собрала всю имеющуюся решимость в кулак и принялась за дело.

В этот раз я решила напечь блинов с разной начинкой, тонких и золотистых, как учила мама. Аккуратно складывая готовые ароматные кругляши стопкой, я погружалась в подобие транса, на самом деле искренне наслаждаясь пустотой в голове.

Спустя пару часов усилий все было готово. Я оставила часть блинов для Элиаса, а все остальное сложила в корзину, распределив разные виды начинки по сверткам.

На поднос в этот раз отправились только парный комплект тарелок с приборами, вазочки с вареньем и сметаной, и свежесваренный чай.

С таким грузом подниматься наверх оказалось сложнее обычного, но я все же добралась, и всего на пару мгновений замерла в нерешительности у двери гостиной. Дизраэль, конечно же, ждал меня там.

Стараясь не смотреть на него прямо, я осторожно подошла к столу и стала молча его накрывать на двоих, краем

глаза наблюдая, как демон садится на свое место.

— Надо же, — протянул Дизраэль. — Я был уверен, что ты объявишь мне бойкот.

— Так и собиралась, — недовольно ответила я, поджимая губы и все так же не поднимая глаз на демона, — но передумала. У меня есть вопросы.

Злость на его выходку засела намного глубже, чем мне казалось. Пытаясь убедить Элиаса, что демон не так плох, как он думает, я сама прониклась своими словами слишком сильно, а теперь засомневалась в собственных убеждениях.

— Знаменитая рассудительность Новертонов, — хмыкнул Дизраэль. — Тогда давай пообедаем и посмотрим, на какие из своих вопросов ты сможешь получить ответы.

За все время, что мы ели, я ни разу не посмела поднять взгляд и посмотреть на демона, но отчетливо чувствовала, как он сам пристально наблюдает за мной, не испытывая такой же мучительной неловкости. И с каждым кусочком еды выносить напряжение становилось все труднее, весь этот обед медленно, но верно превращался в изощренную пытку.

— Все, — наконец не выдержала я, когда очередной кусок встал поперек горла, и отложила вилку с ножом. — Не могу так есть.

Поднявшееся из глубины груди раздражение придало сил, чтобы взглянуть на Дизраэля, но вся решимость растерялась, стоило мне столкнуться с изучающим и прямым взглядом.

Он очень хорошо видел все, читал меня, как раскрытую

книгу, это пугало и злило еще больше.

Демон скрестил руки на широкой груди и откинулся на спинку кресла, а я едва не взвыла от осознания, с какой жадностью наблюдаю за каждым его движением.

— Почему ты не сказал, что башня находится на пересечении разных миров? — начала я, собравшись с мыслями. — Ты что-то скрываешь от меня?

— Тебе этот жалкий делец уже успел рассказать? — усмехнулся Дизраэль. — Все намного проще, чем тебе кажется. Мне стало лень объяснять.

Чуть приоткрыв рот от изумления, я резко вскинула брови. Просто лень? Мотивы демона никак не желали укладываться у меня в голове.

Ситуация до боли напоминала ту, что произошла с найденными записями, но на сей раз не была испытанием.

Люди придавали понятное им самим значение словам и действиям Дизраэля, но никак не могли взять в толк, что мыслит он попросту ненормально и непредсказуемо, не укладываясь в рамки обычной человеческой логики. Мне понимать его тоже удавалось с трудом, но если честно, я почувствовала облегчение.

Не хотелось думать, что демон все-таки ведет понятную ему одному игру, в конце которой меня ожидает провал. Искренне хотелось верить в обратное.

— Мне кажется, или тебя порадовал мой ответ? — демон изогнул губы в ироничной улыбке.

Понимая, что скрывать от него слишком очевидную реакцию бессмысленно, я честно кивнула.

— Элиас тебя боится. Как и любой нормальный человек, и мнение имеет соответствующее. Но оно звучит убедительно, поэтому я обязана была спросить, — призналась я и, мгновение поколебавшись, добавила, посмотрев демону прямо в глаза: — Ты прав, я рада, что он заблуждается, Дизраэль.

Всего на долю секунды, едва заметно, но уголки его губ дрогнули, а затем демон чуть прищурился, разглядывая меня, будто занимательный музейный экспонат.

Однако чутье подсказывало, что его тронули мои слова, просто он не умеет реагировать так, как это сделал бы человек.

Дизраэль вдруг резко подался вперед, и я испуганно замерла, оцепенев как кролик перед удавом, даже дышать перестала. Сердце пропустило удар, но демон не сделал ничего угрожающего.

Его рука плавно двинулась к моему лицу, большой палец осторожно коснулся уголка губ и стер каплю варенья, которую я не заметила. А затем он нарочито медленно вернулся в свое кресло, и, удерживая мой взгляд своим, слизнул варенье со своего пальца.

В этом взгляде, от которого я сама не смогла отвести глаз, я увидела столько порока и обещаний, что вспыхнула, кажется, до корней волос.

— Так легко краснеешь, — обволакивающе пророкотал

Дизраэль и усмехнулся. — Милая.

Спасая свое несчастное сердце от смущения, я резко вскочила на ноги, возмущенно уперла руки в боки, и обвиняюще воскликнула:

— Ты обещал не делать такое!

— Какое? — хитро прищурился демон, чуть склонив голову к плечу.

— Сам знаешь, — не поддалась я на провокацию.

Дизраэль вдруг запрокинул голову назад, позволяя во всей красе рассмотреть, как кожа натягивается на притягательной линии горла, и громко расхохотался. А когда прекратил, произнес, заставив меня возмутиться еще больше:

— Прости, не смог себе отказать. И, кстати, я не обещал.

— Зачем тебе это? — спросила я напрямую, задыхаясь от негодования.

— Ты мне понравилась, — пожал плечами Дизраэль. — Когда ты вошла в эту башню, я узнал о тебе почти все, и увиденное показалось мне очаровательным, только и всего. Не делай простые вещи слишком сложными, Талисса.

Прежде, чем я нашла в себе достойный ответ, демон хлопнул ладонями по собственным коленям и встал, а затем гибким и пружинистым шагом приблизился ко мне.

Я инстинктивно сжалась в предчувствии очередной борьбы одновременно с собой и с ним, но Дизраэль остановился в шаге от меня и лишь отставил локоть, предлагая взять его под руку.

Ткань черной рубашки натянулась, обозначив рельефный контур мышц, и обнажив четверть сильного предплечья.

Я сглотнула и подняла на демона настороженный взгляд. Тот находился в на удивление прекрасном расположении духа, и лишь с иронией закатил глаза, прежде чем пояснить:

— Я не кусаюсь, Талисса. Пойдем, мне нужно тебе кое-что показать.

Глава 14

Оказывается, если подниматься по лестнице, используя в качестве опоры надежную мужскую руку, все дается намного легче. Ступени под ногами уже не казались такими крутыми, и дыхание не сбивалось, хотя мы не делали остановок.

На мои попытки выяснить, куда мы идем, Дизраэль лишь загадочно улыбался и предлагал проявить немного терпения.

В конце концов демон привел меня на семьдесят седьмой этаж, и он разительно отличался от всех помещений, что я видела в башне до сих пор.

За дверью, ведущей с лестничной площадки, не оказалось коридора, она вела сразу же в огромных размеров зал с множеством высоких стрельчатых окон.

Стекло, так же как стены и пол, покрывал плотный слой темного вещества, почти не позволяя проникать солнечному свету снаружи. Эхо разносило звук наших с демоном шагов с такой оглушительностью, что сначала я вздрогнула всем телом от неожиданности.

Все дело в том, что такое огромное помещение оказалось совершенно пустым. Ну, почти. В самом центре стояла длинная прямоугольная тумба, точно так же покрытая какой-то высохшей жидкостью, от времени взявшейся грубой коркой.

При ближайшем рассмотрении, когда глаза привыкли к полумраку, я убедилась, что это не просто грязь или пыль —

вещество напоминало застывшую смолу.

— Что это за место? — решилась спросить я, высвободив руку и подойдя к тумбе чуть ближе.

Мой голос отразился от стен, вторя вопрос, устремившийся к сводчатому потолку. Ведомая смутным предчувствием, я коснулась гладкой поверхности единственного предмета в этом помещении и тут же одернула руку, как ужаленная.

Даже сквозь ткань перчатки меня опалило огнем, и только теперь я обратила внимание, что подошва сапог тоже постепенно нагревается. Залитый неведомым веществом пол оказался не менее горячим.

Дизраэль смерил меня долгим и странным взглядом. Сейчас он не выглядел разнузданно самоуверенным, как бывало обычно, скорее мрачным и задумчивым.

— Твое второе испытание, Талисса. Тебе нужно очистить это место.

Глаза невольно округлились.

— Но это же невозможно! — воскликнула я. — И почему в этот раз ты сам озвучиваешь условия? Ты ведь говорил, что их я должна понять сама!

Мне отчаянно захотелось, чтобы слова демона оказались шуткой, но в глубине души уже появилось осознание, что он, как всегда, говорит чистую правду.

— Не обязательно. К тому же, не все вещи так очевидны, как кажется на первый взгляд, — спокойно пояснил Дизраэль. — И кстати, башня не предложит тебе испытаний, кото-

рые ты не смогла бы пройти. Чем быстрее ты смиришься, тем легче будет справиться. Хотя, конечно, с этим не получится разобраться так же быстро, как с Animus Vita.

С этими словами он чарующе медленно взял меня за запястье, поднял руку и начал стягивать с нее перчатку.

Тело отреагировало мгновенно, мышцы сковал глубоко засевший во мне ужас отторжения, и я с силой дернула руку на себя, но не смогла даже немного ослабить стальную хватку демона.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и с нажимом произнес:
— Они тебе не понадобятся.

А затем, игнорируя то, как сотрясается мое тело, близкое к состоянию припадка, снял с меня сначала одну перчатку, потом другую.

Я вскинула на демона затравленный взгляд, отчаянно борясь с желанием то ли расплакаться, то ли забиться истерике, то ли просто провалиться сквозь землю.

Без перчаток я чувствовала себя хуже, чем если бы с меня сняли всю одежду кроме них. Мерзкие, отвратительные руки, покрытые сетью черных вен, просто не могли не вызывать отторжение.

— Зачем? — только и смогла выдавить я, чувствуя себя предельно жалкой.

— Необходимое условие, — спокойно пояснил демон, — ты позже поймешь. К тому же, я считаю его удачным. Оно пойдет тебе на пользу.

— Чем?! — я почувствовала, как губы искажает исступленная полубезумная улыбка. — В очередной раз развею твою скуку? Позабавлю тебя уродством?

Дизраэль смерил меня долгим, глубоким взглядом, таким спокойным, совсем непохожим на мой. Он смотрел так, будто понимает все, каждую мою мысль и чувство, гораздо лучше, чем я сама.

Наверное, так оно и было, ведь он не был человеком, но прожил уже долгую, запредельно продолжительную жизнь

рядом с людьми.

А затем демон сделал то, что выбило почву у меня из-под ног и заставило забыть обо всем. Он снова взял мою руку и не позволил вырвать ее из захвата. Дизраэль сжал длинные пальцы еще крепче, и, вывернув мое запястье, медленно склонился к нему, прикоснулся губами, опалив нежную кожу огнем.

Делая нечто настолько недопустимое, он не отрывал чарующего взгляда от моего, вызывая целый вихрь противоречивых чувств.

Под кожей разлилась волна жара, мгновенно охватившая все тело, кровь застучала в висках, отзываясь на биение заходящегося в безумном ритме сердца.

Я застыла, растворилась в пугающе приятном ощущении и осознании, что чувствую это не из-за власти, которую демон может проявлять над людьми, если захочет. Потому что сейчас он этого не делал.

— Твое уродство лишь в твоей голове, Лисса, — пьяняще низко произнес он, и мне даже в голову не пришло напомнить, что я запретила использовать эту форму своего имени.

Слова демона ударили прямо в сердце, обнажая всю потаенную боль, что копилась в нем годами с самого детства.

Никто, ни один человек не говорил мне подобного. Все предпочитали просто закрыть на мой недуг глаза, были рады этим вечно надетым перчаткам.

Я убеждала себя, что сама защищаюсь от мира, но самом

деле зачем-то защищала мир от себя. Даже родители молчалием одобряли мое решение скрывать правду, делать вид, будто болезни не существует.

Никогда я не думала, что кто-нибудь, хоть одно живое существо может не только посмотреть на мои руки без отвращения, но и захотеть их поцеловать.

Легенды утверждали, что демоны — коварные существа, воплощение искаженности жизни, роковая ошибка Актора. В моей же голове все смешалось, но одно я поняла для себя точно: мифы врал.

В тот долгий миг, заглядывая в бесконечное золото глаз Дизраэля, я подумала, что в этой башне обретаю гораздо больше, чем исполнение какого-то желания, пускай даже по-настоящему важного.

Смелость прожить остаток жизни с гордо поднятой головой, больше не скрывая настоящих чувств, лишь бы людям вокруг было удобно.

Глава 15

Работа предстояла не просто трудная, а запредельно сложная. Прежде чем оставить меня одну, Дизраэль показал, где находится все, что мне может пригодиться.

Выбор оказался не слишком велик: в мое распоряжение башня отдала только ведро, ворох тряпья и колонку с особой водой, которую я сразу не заметила.

Она спряталась в дальнем углу зала, неприметная, и на вид текущая из нее вода ничем не отличалась от обычной. Только пронизывающим до костей холодом. Она ощущалась ледяной настолько, что обжигала.

Носить грязную воду предстояло в уборную этажом ниже, что еще больше усложнило задачу. Однако, весь истинный масштаб бедствия я осознала, когда принялась за работу. Тогда же и стало понятно, почему демон отобрал мои перчатки.

Прикосновение голой кожи к странному веществу опаляло. Вовсе не метафорически, а как если прикоснуться к почти полностью разогретой чугунной сковороде.

Станным образом субстанция не источала тепло, нагревая воздух: в зале сохранялась нормальная температура. Но когда я приложила влажную тряпицу к поверхности, от нее с тихим шипением стал исходить дымок пара.

— Что это такое? — пораженно прошептала я, наблюдая, как стремительно высыхает оставленная на прямоугольной

тумбе ткань.

Снова смочив ее в ледяной воде, я принялась тереть поверхность быстрее, и грязь поддалась, но влага из ткани испарилась так быстро, что тело не успело вовремя среагировать, и ладонь опалил нестерпимый жар.

Со вскриком я отдернула руку, зашипела от боли и обнаружила, что кожа покраснела, вот-вот готовая покрыться волдырями. Холод воды пришелся как нельзя кстати, я тут же погрузила в нее руку, чтобы не дать превратиться травме в полноценный ожог.

Неужели смысл этого испытания в превозмогании боли и физическом истощении? Тогда все не так страшно.

Наверное, другого человека это открытие могло повергнуть в пучину если не отчаяния, то как минимум уныния, но не меня. Терпеть боль и продолжать работать несмотря ни на что — вполне похоже на всю мою жизнь, начиная с восьми лет.

За несколько часов работы я полностью истощила запас сил, зато приноровилась вовремя отслеживать момент, когда тряпица перестает быть достаточно мокрой, чтобы защищать меня от жара. И даже если не успевала вовремя отстраниться, просто охлаждала кожу в ведре.

Смахнув рукавом пот со лба, я осмотрела дрожащие руки. Они выглядели красными, с неровными пятнами там, где сильнее всего пострадали от соприкосновения с непонятным веществом.

Кожу неприятно покалывало, она ощущалась стянутой, но, осторожно согнув пальцы, я убедилась, что повреждения только поверхностные.

Тяжело вздохнув, я перевела взгляд на плоды своего труда. За все это время мне удалось очистить, да и то не полностью, лишь часть «тумбы», которая под слоем грязи оказалась чем-то больше похожим на алтарь.

Пористый серый камень, отчетливо шероховатый, покрывала сеть золотистых прожилок, выглядящих смутно знакомыми. Как и плющ на стенах башни, они до боли походили на язык древних, к которому я обращалась с помощью дара скриптора.

Однако прочесть их не удавалось, не опознавался ни один знак, и я пришла к выводу, что это просто очень похожие узоры.

Едва живая от усталости, я покинула зал, в котором, судя по всему, будет проведено еще очень много дней, и отправилась на кухню, чтобы сварить себе кофе. И очень удивилась, когда обнаружила там мрачного Элиаса, о существовании которого почти забыла.

Мужчина как раз поджаривал на сковороде яйца, но, увидев меня, сразу же отложил лопатку и широко улыбнулся.

— Привет, Талисса, — с искренним радушием произнес он, а затем присмотрелся ко мне внимательней.

Взгляд Элиаса спустился от моего лица вниз, и остановился на руках. Его глаза расширились, и он в несколько шагов

преодолеет расстояние между нами.

— Можно? — взволнованно спросил он, и я не нашла причин отказывать, протянула ему раскрытую ладонь, втайне сильно переживая. — Это ожоги? Нет, погодите, что с вашими венами?!

Сжав руку в кулак, я поспешно ее убрала.

— Такие вены со мной с детства, все в порядке. А покраснение — да, это ожог. Я сейчас прохожу второе испытание башни. Если честно, смертельно устала и страшно хочу выпить кофе.

Будет ложью сказать, что я не испытала страха, впервые за много лет показывая свои руки малознакомому человеку.

К сожалению, от меня не укрылось то, как поспешно отвел взгляд мужчина, когда узнал, что увиденное никак не связано со «злодеяниями» демона башни. Но вот что странно, кроме разочарования я мало что почувствовала.

Стало как-то все равно, что думает о моей болезни человек, которого я знаю от силы пару часов.

— Тогда позвольте мне хотя бы немного помочь, — с искренним сочувствием предложил Элиас. — Садитесь за стол, я сам сварю. Выглядите так, будто вот-вот упадете.

Отказаться от такого щедрого предложения не нашлось сил.

Я подошла к столу, отодвинула стул и с облегчением опустилась на него, принявшись наблюдать за тем, как суетится рыжеволосый сосед.

Элиас снял со сковороды, судя по запаху, чуть пригоревшие яйца и отставил их в сторону.

— Вы не наелись блинами? — я удивленно вскинула брови. — Мне казалось, там осталось довольно много.

Мужчина помрачнел, а густые рыжие брови сошлись над переносицей, образовав глубокую складку.

— Я не сумел их попробовать, — раздраженно пояснил он и без слов протянул мне записку, которую достал из кармана.

На бумаге изысканным выразительным почерком оказалось выведено:

«Если хочешь есть, используй руки и голову»

— Она появилась вместо еды, когда я протянул руку, — пояснил он. — Проклятая тварь.

С этими словами мужчина достал турку и насыпал в нее несколько щедрых ложек кофейного порошка.

С одной стороны, мне была приятна забота этого человека, к тому же, он напоминал о нормальном мире, который остался за стенами этого места. Однако с другой, несправедливое отношение к демону бросалось в глаза и откликалось во мне неприязнью.

— Элиас, послушайте, — аккуратно начала я, — все не так, как выглядит. Дизраэль не зло во плоти, он просто думает, не так как мы. Вы, как и я, пришли сюда, чтобы исполнить *свое* желание, его силами. Несправедливо называть его тварью.

Мужчина, все это время продолжавший готовить мне ко-

фе, замер. Он поднял на меня тяжелый взгляд, и будто бы хотел что-то сказать, набрав в грудь воздуха, но явно передумал. Вместо этого он произнес:

— Вы добрая девушка, Талисса. Настолько добрый и хороший человек, что готовы усмотреть достойное вас там, где его нет. Плохие люди склонны такими как вы пользоваться, создания вроде твари, управляющей этим местом — тем более. Я не могу решать за вас, но способен хотя бы предупредить: будьте осторожны.

Кажется, он говорил искренне, но что-то в его словах показалось мнестораживающим.

Так бывает, когда начинаешь доносить до человека свою мысль, но сразу понимаешь, что он не готов менять свои убеждения, полностью уверенный в своей правоте. Настолько, что просто не способен слышать никакие аргументы.

Поколебавшись, я приняла решение не вступать в споры. По возможности вообще не упоминать в разговорах с Элиасом демона и игнорировать, когда он сам делает это. Только возразила на замечание о себе:

— Я вовсе не такая, как вы себе нафантазировали, Элиас. Совершенно обычный человек, не приписывайте мне святость, которой придется соответствовать.

Пусть каждый останется при своем мнении. В конце концов, мы не обязаны становиться друзьями только потому, что оказались в этой башне одновременно.

Глава 16

В кладовой нашлась календула, которой раньше там точно не было, и Элиас вызвался приготовить для меня настой. Оказалось, на семейном производстве Кархайгенов люди часто получали ожоги, и он прекрасно знал, как с ними обходиться.

После работы в зале на семьдесят седьмом этаже я позволяла помочь обработать обожженные руки, которые к третьему дню стали покрываться вздутыми волдырями. Кожа вокруг них покраснела и глухо пульсировала болью, а малейшее движение вызывало острое желание стиснуть зубы и зажмуриться.

Зрелище и без того не самое приятное, выглядело особенно жутко и-за черной сети больных вен. Хотя удивительно, но смотреть на них я почти привыкла.

Вымачивая в ароматной воде полоски ткани, невольный товарищ по испытаниям обматывал ими мои руки и говорил оставлять до полного высыхания. От настоя исходил резкий и терпкий, чуть горьковатый запах, который преследовал меня даже после снятия повязок.

— Должен же быть предел тому, как он издевается над людьми, — гневно пробормотал себе под нос Элиас на третий день. — Вы же просто хрупкая девушка.

— Не думаю, что это он решает, — слабо возразила я,

вымотанная работой.

— Не думаете или знаете? — по обыкновению въедливо уточнил мужчина.

Я предпочла промолчать, потому как задать раньше этот вопрос демону не догадалась, а теперь не имела возможности.

Дизраэль отказался на время от еды, сославшись на важные дела, которые людям объяснять бесполезно. Мне же хотелось верить, что на самом деле он понимал, как дорого обойдется в таком состоянии рук готовка.

В любом случае, видется мы стали намного реже, если не сказать, что перестали совсем. Элиас же не упускал момент, чтобы напомнить о своем мнении относительно демона, и возражать ему становилось тем трудней, чем больше он обо мне заботился.

В какой-то момент я даже подумала, что стоит напрямую отказаться от его помощи и перестать чувствовать себя обязанной, но на слабые попытки к этому подвести Элиас реагировал категорично.

— Долг любого уважающего себя мужчины оберегать женщин, — говорил он в такие моменты, — тем более, таких как вы.

В конце концов стало ясно: поступать иначе ему не позволяет воспитание, в его мире так принято. И я сдалась, потому как приходила из треклятого зала едва живая, совершенно точно не способная на препирательства.

Очередной день, проведенный за работой, принес открытие, от которого я даже забыла, как сильно устала.

Мне не показалось. Символы, которые покрывали алтарь и пол вокруг него, а если быть точной, то скорее всего и всю поверхность зала, включая стены, действительно оказались языком древних.

Замерев, стоя на коленях, я едва не выронила тряпку из рук. Меня ввела в заблуждение уверенность в собственных знаниях, я знала не сотни — десятки тысяч знаков, но ни один из них до сих пор не попадался мне.

Не веря своим глазам, я провела пальцем по золотистой прожилке, которая совершенно точно складывалась в знак порядка, который способен как восстановить предмет, так и разложить вещество на составляющие.

Каким образом он вписывался в целую вязь символов и какое значение таким образом обретал оставалось для меня загадкой.

Предчувствие подсказывало, что все это неспроста. Оно нарастало в груди тихим ропотом и с каждой секундой становилось все отчетливей и сильнее. Вслед за ним пришла и решимость.

Дело в том, что скриптор может понять значение знака только двумя способами: узнав от другого одаренного или наполнив неизвестный символ своим дыханием. И для последнего требовалось разрешение Дизраэля.

Пока я спускалась на пятьдесят второй этаж, невольно в

размышления закралась крамольная мысль.

Что, если смысл испытания не в физическом труде и боли? Может, я должна понять написанное в этом зале?

Тогда почему демон запретил мне использовать дар скриптора, и не вернул перо, зная, что оно мне понадобится?

Все эти вопросы я планировала задать Дизраэлю, но слова застряли в горле, стоило мне распахнуть дверь в до боли знакомую гостиную.

Демон спал, откинувшись в кресле, которое поставил к окну. Он закинул ноги на подоконник в свойственной ему царственной небрежности, как всегда даже не попытавшись задуматься о манерах.

Изящное запястье с выступающей косточкой безвольно свисало с подлокотника, почти выронив толстую книгу со странной обложкой.

Аккуратно подкравшись, мне удалось рассмотреть гляцевую поверхность, она вся представляла собой целую картину, такого я никогда не видела. Но еще странней выглядел сюжет: над множеством ярких огней летел силуэт явно полностью обнаженной девушки, оседлавшей метлу, а снизу ей салютовал рюмкой черный кот, стоявший так, будто он человек.

Стараясь не думать, какое содержание может быть за такой обложкой, я осторожно и мягко подхватила книгу, медленно вытащив ее из расслабленных пальцев. Прижала издание к груди и замерла, любуясь тем, как солнечные лучи иг-

рают на совершенном лице.

В груди что-то дрогнуло, и с неожиданной остротой я осознала, что немного соскучилась за эти дни.

— Надо же, даже тебе нужен сон, — прошептала я.

И тут же отскочила, вздрогнув всем телом, потому как глаза, обрамленные длинными ресницами мгновенно, распахнулись.

— Не слишком, — хитро прищурился Дизраэль. — Просто дразню. Хотя спать я могу, если захочу. Надеюсь, ты сделаешь что-то поинтересней.

Шумно вздохнув, я сложила руки на груди, наблюдая, как демон одним гибким движением встает с кресла. Хотелось всем видом показать, как оскорбляют меня такие подшучивания, но, если быть совсем честной... кажется, по ним я соскучилась тоже.

Дизраэль в один шаг преодолел разделявшее нас расстояние, и, чуть склонившись к моему лицу, спросил:

— Так зачем ты пришла, Талисса?

Глава 17

Плечи так сильно напряглись, что казалось, лопатки на спине вот-вот коснутся друг друга. Я замерла, застигнутая врасплох близостью демона, за каких-то три дня успев отвыкнуть от того, насколько для него не имело значение чужое личное пространство.

— Ты ведь знал, что зал покрыт письменами древних, не так ли? — спросила я, собравшись с мыслями.

Дизраэль чуть наклонил голову и загадочно улыбнулся.

— Разумеется. Некоторые вещи тебе по-прежнему нужно понять самой, — ответил он и, не дождавшись реакции, взял мою раненую руку в свою. Демон медленно провел большим пальцем по раскрытой ему ладони, покрытой красными пятнами, и задумчиво произнес: — Какие же вы все-таки хрупкие.

Я невольно задержала дыхание.

Прикосновение оказалось не только неожиданным, но и удивительно бережным. Пришлось приложить усилие, чтобы вернуть самообладание, и спросить о том, за чем я на самом деле пришла.

— Пожалуйста, верни мое перо и позволь использовать дар, — произнесла я, глядя Дизраэлю прямо в глаза.

Губы демона снова сложились в улыбку, полностью противоречащую одному единственному слову:

— Нет.

Резко выдернув свою руку, я поморщилась от боли.

— Но почему?! Очевидно же, что мне нужно понять значение символов! — обиженно воскликнула я. — Мне не сделать этого, не используя дыхание.

Дизраэль отвел взгляд в сторону, лишь подкрепив мою уверенность в собственной правоте.

— Прошу, — сменила я тон, — обещаю, что не стану активировать знаки полностью. Я умею, честно! И ни для чего иного использовать дар скриптора не буду, клянусь.

— Не заставляй меня повторять, я ведь сказал — нет, — остался непреклонным демон.

— Ну пожалуйста! — я сама схватила его за руку и заметила, как на одно короткое мгновение, настолько стремительное, что было легко принять увиденное за мираж, но глаза Дизраэля удивленно распахнулись чуть шире. — Клянусь, я не нарушу твой запрет! Если нарушу, обещаю — сделаю что угодно, о чем бы ты ни попросил.

Осознав, что именно обещаю и кому, я осеклась, но было поздно.

Губы демона растянулись в широкой улыбке, обнажив заострившиеся зубы, а затем он одним движением схватил меня одной рукой за талию и резким рывком притянул к себе.

Едва не потеряв равновесие, имея лишь одну единственную опору — крепкую хватку Дизраэля, я невольно позволила прижать свое тело к нему. И на долю секунды, смотря ши-

роко распахнутыми глазами в его непоколебимо спокойные озера расплавленного золота, почувствовала, с какой силой забилося сердце в груди.

— Уверена, что готова к таким обещаниям? — прошептал он, склонившись ко мне и обжигая ухо горячим дыханием.

Близость демона и его особенный, пьянящий запах мгновенно вскружили мне голову, заставив обмякнуть в сильных руках.

«Он просто развлекается, ему на самом деле не нужно мое тело» — промелькнула отрезвляющая мысль, придавшая сил спокойно ответить:

— Готова. Потому что не собираюсь нарушать свое слово. Дизраэль отстранился и с интересом склонил голову к плечу, разглядывая меня.

— Почему бы тебе не быть чуть менее разумной? — вдруг поинтересовался он.

И я... вдруг тихонько засмеялась. Смех вырвался неожиданно, чуть дрожащий, нервный, но безусловно искренний.

— Прости, — я прикрыла рот ладонью, пытаюсь успокоиться, но не могла перестать улыбаться. — Просто я всю жизнь пыталась научиться быть именно такой, а в этом месте само слово «разумный» звучит как шутка.

Будто в подтверждение моих слов, с громким хлопком день сменился ночью, и я вздрогнула, от испуга растеряв всю веселость.

Комната погрузилась во мрак, в котором тускло горели

лишь глаза Дизраэля, находившиеся слишком близко ко мне.

— Зачем? — испуганно прошептала я.

— Это не для тебя, — спокойно пояснил демон и наконец-то отпустил меня, позволив облегченно выдохнуть.

Раз не для меня, значит для Элиаса. Мне подумалось, что тот наверняка сейчас сталкивается с чем-то очень личным, способным поставить под сомнение все, в чем тот когда-либо был убежден.

Глаза постепенно привыкали к полумраку, но в ночи гостиная стала выглядеть не просто неудобно, а даже в какой-то степени пугающе.

Тени расползлись по углам, словно живые, а очертания вещей исказились. Воображение дорисовывало им детали, делая похожими то на жутких существ с картин, то на призраков.

— Талисса, — привлек мое внимание Дизраэль, помахав предметом, который держал в руке.

Присмотревшись, я поняла, что это мой старый блокнот со скрипторским пером в пазах корешка.

Словно замороженная, я приблизилась к нему и потянулась за вещью, которой мне так не хватало, но демон резко отвел руку в сторону, поднимая ее еще выше. Тело по инерции продолжило движение, ухватив пальцами только воздух, и я сама не заметила, как близко придвинулась к нему.

— Я отдам это тебе, — произнес Дизраэль, не позволив неловкости успеть вспыхнуть, — но только для испытания.

Помни, что обещала мне. Так уж и быть, без опрометчивого условия, которое сама предложила. Будь осторожнее с такими вещами, Талисса, ими очень легко воспользоваться.

С этими словами он вложил блокнот в мою саднящую руку.

Не знаю, какое чувство овладело мной больше в тот момент. Может, благодарность?

Элиас так яростно пытался доказать мне, что демон башни имеет скрытые мотивы и настроен против людей, но поступки Дизраэля говорили об обратном. Возможно, в каком-то смысле он был более человечным, чем мы сами.

— Спасибо, что доверился мне, — выдохнула я в порыве искренности.

— Доверился? — иронично вскинул бровь демон. — Каждое твоё заблуждение очаровательнее предыдущего, — произнес он со смешком и, не дав ни осознать своих слов, ни отреагировать на них, добавил: — Можешь идти.

Прижав обеими руками блокнот к груди, я рефлекторно погладила пальцами потрепанную обложку. Искренняя благодарность, которая сорвалась с губ раньше, чем я успела ее обдумать, теперь показалась глупой.

Не зная, что еще сказать, терзаемая мучительной неловкостью, я только кивнула в знак прощания, и осторожно направилась к выходу, стараясь ловко огибать препятствия на своем пути.

Уже на пороге, когда я коснулась холодной металлической

ручки двери, меня настигло внезапное напутствие из глубины гостиной:

— Будь внимательна с этим северянином, — спокойно произнес Дизраэль. — Не теряй голову только потому, что кто-то проявил к тебе дешевую заботу.

Глава 18

Слова демона не выходили у меня из головы всю обратную дорогу. Идти на кухню, чтобы обработать руки, я не стала во многом из-за них, хотя убеждала себя, что дело в усталости и желании поскорее прилечь.

Однако, добраться до вожаденной постели я не успела. За дни, проведенные в башне, тело почти забыло, почему вены под тонкой кожей рук почернели.

Работать приходилось так много, что и не разберешь, какая природа у смертельной усталости, валящей с ног.

Невыносимый жар хлынул по венам внезапно, будто кто-то плеснул в кровь расплавленного свинца. Чувствуя, как начинает темнеть перед глазами, а мышцы окаменевают, я из последних сил спустилась к ровной площадке пролета, чтобы не полететь кубарем вниз.

Ноги коснулись безопасной поверхности в самый последний момент, как раз перед тем, как я окончательно начала задыхаться, хватаясь за грудь и тяжело заваливаясь на бок, сползая по холодной шершавой стене, царапающей щеку. Контраст между ее холодом и жаром, охватившим тело, лишь усиливал агонию, хотя по всему казалось, что должен приносить облегчение.

В следующую секунду пришла вспышка такой невыносимой боли, что я будто со стороны слышала страшный, зве-

риный вой. Сорвавшись с моих губ, он эхом отразился от стен и унесся в темную глубину лестницы.

Время, как и всегда в такие моменты, замедлило счет. Казалось, прошли часы или даже дни к тому моменту, как боль оставила обмякшее тело, а сердцебиение стало понемногу выравниваться.

Там, смотря пустым взглядом в потолок, я лежала на холодном камне и мучительно пыталась понять, почему так несправедлива жизнь.

Следом пришла глухая молчаливая злость. Она мрачными тенями поднялась из глубин души и устремила к существу, которое заставило меня хотя бы немного почувствовать себя живой.

«Сколько мне осталось?»— с трудом я поднесла к глазам руку, сжала и разжала одеревеневшие пальцы. — *«Интересно, он знает? Он же всегда все вечно знает»*

— Ненавижу, — с болью прошептала я, прикрыв сухие глаза.

Надо признаться хотя бы себе самой, что Дизраэль своей непредсказуемостью и далекостью от норм поведения, принятых в человеческом обществе, разбудил во мне нечто давно забытое.

Интерес к жизни и остроту чувств. Смелость быть собой, не пытаясь скрыть за тканью перчаток то, что я не выбирала. На краткий миг я перестала быть смертельно больной девушкой, чья клепсидра уже почти пуста.

Но правда в том, что на самом деле ничего не изменилось. Чернильная смерть продолжала пожирать мое тело, а я просто старалась не смотреть на то, как далеко она забралась, когда принимала душ.

— Талисса?! — ворвался в бездну моего отчаяния голос, который мне хотелось сейчас услышать в самую последнюю очередь.

Сфокусировавшись, я увидела Элиаса, который со всех ног бежал ко мне, перепрыгивая через ступени. Еще через мгновение лунный свет выхватил из темноты его лицо, смертельно бледное и, кажется, чем-то напуганное.

Глаза мужчины лихорадочно блестели, и если раньше я бы не обратила на это внимание, то сейчас испытала отрезвляющую тревогу. Он опустился рядом со мной на колени и осторожно приподнял голову, подложив под нее сумку, которую снял с пояса.

— Что произошло? — взволнованно спросил он. — Вы ранены? Я слышал такой жуткий крик, это были вы?

— Все в порядке, — с усилием выдавила я. — Прошу, оставьте меня в покое.

— Вы не в себе, — констатировал Элиас и потянулся ко мне, очевидно, собираясь взять на руки. — Я помогу вам.

— Не надо! — надрывно прохрипела я, и каким-то чудом мне удалось его оттолкнуть. — Я сама. Я сама встану и доберусь до своей комнаты, Элиас.

Может, по отношению к человеку, который искренне же-

лал помочь, такая реакция была несправедливой, но предупреждение Дизраэля по-прежнему не шло у меня из головы, даже в таком состоянии. Особенно в нем.

Мысль о том, что Элиас может оказаться не таким добрым и участливым человеком, как кажется, царапала изнутри, как заноза. Кто-то обвинит меня в глупости, но если выбирать из них двоих, куда больше доверия у меня вызывал демон, нежели такой же человек, как я сама.

Еще больше тревоги вызвало то, как Элиас, послушно убрав руки, остановил на мне долгий взгляд. Его пальцы теребили край рукава рубашки, выдавая странную нервность. Разве должен он так сильно переживать в подобной ситуации?

Сделав глубокий вдох, я рывком села и тут же пошатнулась, удержав равновесие только благодаря вовремя отставленной назад руке.

— Не понимаю, что происходит, но вижу: вам плохо. Очень плохо, и не потому что вы устали, — напряженно произнес Элиас. — Позвольте хотя бы помочь вам подняться.

Звучал он настолько искренне, столько беспокойства и желания помочь было в этом голосе, что мне на мгновение стало стыдно.

Определенно, я находилась не в том состоянии, чтобы мыслить здраво и принимать решения, кому доверять, а кому — нет.

— Хорошо, простите, — тяжело выдохнула я и позволи-

ла бережно поднять меня на ноги. — Наверное, я просто не привыкла к такой заботе.

— Привыкайте, — мрачно сказал мужчина. — Пока мы здесь, я стану молча наблюдать за тем, как страдает женщина. Этим мы с вами и отличаемся от него, Талисса.

Невнятно поблагодарив Элиаса за помощь, я настояла на том, что до своей спальни доберусь сама, и пока спускалась по лестнице, чувствовала спиной пристальный взгляд до тех пор, пока не миновала пролет.

Комната встретила меня привычным сквозняком и очередной перестановкой немногочисленной мебели, на которую я попросту перестала обращать внимание. Со стоном я бросила блокнот на стол, и на подгибающихся ногах добралась до постели.

Рухнув на нее без сил и лежа в полутьме, я мучительно пыталась понять, как быть дальше. И прежде, чем накатывающий волнами сон сморил меня, унося прочь остатки тревоги, я решила, что должна как можно быстрее узнать смысл знаков в зале на семьдесят седьмом этаже.

Интуиция подсказывала, что они очень важны, гораздо важнее, чем можно представить. И кроме того, мне в любом случае стоит поторопиться. Если приступы стали такими частыми, я могу и не успеть.

Тогда Эриан тоже умрет, в таких же мучениях, как и я. И все будет напрасно.

Глава 19

Все следующие дни я, подгоняемая ощущением утекающего времени и нежеланием лишней раз контактировать с Элиасом, работала как сумасшедшая. К уборке, в которой мне удалось поднатореть, добавилась расшифровка знаков.

В первый день я решила закончить работу именно ею, и тем самым критически ошиблась. К концу дня сил во мне почти не оставалось, и даже на слабый импульс, не говоря о полноценном скрипторстве, их не хватало.

Следующим утром я пошла от обратного. Начала с расшифровки, пока разум еще ясен, а силы не растрочены на монотонную работу. Но вот что странно, мне удалось расчистить значительную часть пола, но картина в целом не становилась ясней.

Я набирала кровь и, стараясь тратить как можно меньше бумаги, скрупулезно выводила каждый символ по порядку. Вдыхала в него жизнь, не давая вербальной команды воплотиться, и ко мне приходило понимание, какова суть этого знака.

Этому трюку я научилась еще в детстве, когда бабушка, способная передать свои знания, покинула нас.

Родители даже порывались запретить мне скрипторство, терпя имущественные убытки из-за неожиданных воплощений знаков, которые я находила в записях и самоотверженно

экспериментировала.

Однако в случае со сложными письменами загадочного зала все это не вносило толком никакой ясности. Изучив множество знаков по отдельности, я категорически не понимала написанное в целом, с каждым днем становясь все задумчивей.

Настроение поменялось не только у меня. С Элиасом мы стали пересекаться все реже, лишь изредка сталкиваясь на кухне.

Он сохранял прежнюю любезность и даже пытался продолжать предлагать свою помощь, но будто бы по инерции, больше не испытывая в том искренней потребности.

Мужчина осунулся за последние несколько дней, под глазами залегли темные круги, плечи ссутулились. Кажется, он перестал нормально есть, и стал впадать в странную задумчивость, когда смотрел на меня, будто хотел что-то сказать, но не решался.

Я была слишком погружена в собственные изыскания, в попытку пройти свое испытание, чтобы заметить это сразу, но однажды все-таки обратила внимание и прямо спросила: — Элиас, с вами все в порядке?

Мужчина вздрогнул, а затем провел рукой по лицу, будто снимая с него пелену, и поднял на меня взгляд.

— Все замечательно, — совершенно неубедительно ответил он. — Просто... немного устал.

— Я же вижу, что вы не просто устали, — нахмурилась я.

— Вы ведь сейчас проходите первое испытание, не так ли? Расскажите? Может, мне удастся помочь вам хотя бы советом?

Только теперь я заметила, как задрожали пальцы Элиаса. Реакция, совершенно не стоящая столь невинного предложения. И еще больше чутье обострилось, когда мужчина резко спрятал руку под стол, заметив мой взгляд.

Помогать ему мгновенно расхотелось, на самом деле, желание появилось только одно — оказаться от Элиаса подальше и по возможности лишний раз не пересекаться.

Между нами повисло напряжение, в котором каждый звук, будь то скрип стула или стук чашки о блюде, казался зловещим предзнаменованием.

— Понимаете, Талисса, — медленно произнес мужчина, поднимаясь из-за стола. — Я уже не так уверен, что могу доверять вам. Мне казалось, мы с вами в одной лодке, двое людей против твари, владеющей этим местом.

Отступив на шаг назад, я выпрямилась и холодно напомнила:

— Вы эту «тварь» пришли просить о помощи, если вы вдруг забыли.

— Да... Да, вы правы, — Элиас поднял на меня лихорадочно блеснувший взгляд. — Но есть разница между принятием этого, как неизбежного зла, и якшанием с демоном так, будто он ваш друг.

Мужчина шагнул вперед и замер, когда я зеркально по-

вторила его движение, не давая сократить дистанцию. Элиас с досадой поморщился и облизнул сухие губы.

— Видите, вы *меня* боитесь, а его — нет. Вы пришли из слишком спокойного мира, Талисса. Мой собственный из-за таких как он едва не сгорел в огне бесконечных войн и рабства. Но мы выжили! Заслужили свободу потом и кровью, и не затем, чтобы я теперь пресмыкался перед демоном башни, как вы того хотите.

Чувствуя, что дело дрянь, я примирительно подняла перед собой руки.

— Элиас, хорошо. Пускай каждый из нас останется при своем мнении, ладно? — со всей возможной в этой ситуации доброжелательностью предложила я. — Если позволите, я вас покину.

Мне казалось, что эти слова должны исчерпать конфликт. Да, вероятно, сделать нас врагами, но по крайней мере пресечь дальнейший разговор.

Однако Элиас вдруг резко выпрямился и сделал шаг в сторону, преградив мне путь к отступлению.

— Нет, — глухо произнес он. — Вы никуда не пойдете.

— Как это понимать? — я постаралась звучать строго, но за требовательным раздражением прятала самый настоящий, пробирающий до поджилок страх. В горле пересохло так, что даже дышать стало трудно.

Я внезапно остро осознала, что нахожусь один на один с человеком, который намного сильнее меня. Взгляд лихора-

дочно метался, пытаюсь найти хоть один способ быстро добраться до выхода из кухни, минуя Элиаса и не находил.

Мужчина, тем временем, взял что-то со стола и сделал еще один шаг ко мне. И еще. И еще. Пока я сама не уперлась спиной в холодную стену. Пока не разглядела, что предмет в руке Элиаса — нож. Тот самый, что он направил на меня в нашу первую встречу.

— Интересно, а вы поменяете свое мнение о демоне, если я скажу, что в качестве испытания эта тварь приказала мне вас убить?

Все внутри меня обмерло. Ужас сковал костлявыми пальцами сердце, пропустившее удар, и я прошептала:

— Элиас, вы ошиблись...

— Нет! — вдруг заорал мужчина, заставив меня в ужасе вздрогнуть и прерваться на полуслове. — Он играл с вами, и играет со мной! Это обычная тактика этих тварей — стравливать нас друг с другом, потешаясь над тем, как мы убиваем своих, — с ненавистью прошипел он. — Простите меня, Талисса. Вы хорошая девушка, правда. Но я не могу уйти отсюда ни с чем.

Мне отчаянно не хотелось верить в услышанное, но самое страшное я прочла в глазах Элиаса.

Приговор, который он мне вынес, не решаясь даже озвучить его напрямую вслух. Который он не пересмотрит, и просто оправдает тем, что «тварь» заставила его.

Неосторожно затеянный разговор, кажется, стал для него

последней каплей для принятия решения.

Сердце глухо ухнуло вниз, а затем быстро-быстро заби-лось, ускоряя бег крови в венах, делая мир перед глазами невероятно ярким и четким.

Думать было некогда. Единственное возможное решение пришло в долю секунды.

Метнувшись вперед что есть сил, я на едином вздохе про-скользнула у растерявшегося мужчины под рукой и рванула к выходу.

Его рука схватила воздух там, где мгновение назад были мои волосы. Я почти ощутила, как пальцы скользят по пря-дам, но не успевают поймать.

— Стойте! — раздался за спиной хриплый крик Элиаса.
— Вам все равно не сбежать от меня, Талисса!

Кажется, он кричал что-то еще, но я не слушала. Я бежа-ла вперед, не разбирая дороги и пытаюсь понять, как спасти свою жизнь.

Глава 20

Оказывается, истинный ужас не в кошмарных чудовищах из детских сказок, не в шевелении теней по ночам.

Гораздо страшнее, когда ты бежишь в полной тишине и слышишь не только звук собственных ног, но и других, следующих за тобой по пятам. Слышишь тяжелое дыхание человека, который гонится за тобой с единственной целью — забрать твою жизнь.

— Талисса, остановитесь! — яростно кричит он, подгоняя меня бежать еще быстрее. — Мы оба знаем, что вам не сбежать!

Я даже не знала, на каком этаже нахожусь, в темноте коридоры со множеством дверей выглядели совершенно одинаково. И ни один из проходов не открывался, будто сама башня действительно стремилась помочь преследователю.

Стены будто смыкались вокруг, давили безмолвием камня, а ноги предательски спотыкались о совершенно ровный пол.

Мне все же удалось немного оторваться от него. На мгновение оглянувшись, чувствуя, как легкие сгорают от недостатка кислорода, а в боку начинает мучительно колоть, я увидела за собой только темноту.

Если не найду укрытие — попросту свалюсь с ног, и все закончится.

Взгляд метнулся к ближайшей двери.

Мысленно взмолившись о милости Актора, я судорожно схватилась за ручку двери, и едва не закричала от радости, когда она поддалась. Ввалившись внутрь, я быстро захлопнула дверь за собой и потянулась к засову, но... его не было.

Хотелось взвыть от отчаяния, но ничего изменить я уже не могла.

За дверью уже отчетливо слышалось, как тяжело бежит Элиас, как неумолимо он приближается. Каждый его шаг отдавался в ушах тревожным набатом, будто отсчитывающим последние мгновения моей жизни.

Привалившись спиной к двери, я вытерла со лба пот и прикрыла глаза.

Стало почти все равно. Каждая мышца в теле дрожала от изнеможения, дыхание вырывалось из груди неровными хрипами. Я больше не могла бежать.

Шаги за дверью замедлились. Элиас остановился возле нее, дыша так же тяжело, как и я. И сразу пришло понимание: если мне так отчетливо слышно его дыхание, то и ему — мое.

— Мне жаль, что все так обернулось, Талисса, — глухо, почти умоляюще произнес мужчина. — Но вы должны понять, я не могу поступить иначе.

— В башне есть только одна тварь, Элиас, и это вы, — с бессильной злостью прорычала я. — Всегда есть выбор, вы свой сделали.

Дверь содрогнулась от того, с какой силой по ней ударили с той стороны. Все внутри сжалось от ужаса, но я упрямо навалилась спиной еще сильнее на единственную преграду между нами.

— Не усложняйте ситуацию еще больше, — уже куда спокойнее произнес Элиас, постепенно выравнивая дыхание. — Просто откройте дверь.

Отвечать я не стала. Да и что тут ответить? Не знаю, были действия Элиаса помешательством под влиянием башни, или он на самом деле никогда не был таким хорошим человеком, как пытался казаться, но умирать от его руки мне не хотелось ни в том, ни в другом случае.

Взгляд опустошенно обвел почти полную копию моей собственной комнатухи.

Ничего, что можно было бы использовать для самозащиты, ни одного места, в котором можно укрыться.

Даже перо с блокнотом я оставила у себя на столе, когда зашла переодеться после работы в зале. Все шло к тому, что Элиасу все-таки удалось загнать меня в угол.

Будто в ответ на мои мысли, мужчина решил, что переговоры вести бесполезно. Судя по звукам, он отошел подальше для разбега, а в следующий миг дверь толкнула меня с такой силой, что я отлетела в противоположную сторону.

Воздух одним толчком покинул легкие, перед глазами поплыли цветные круги, и я не столько почувствовала, сколько увидела как падаю на пол.

С трудом подняв голову, я застыла, как замирает обреченная добыча перед хищником, которая понимает, что бежать уже бесполезно.

В дверном проеме возвышалась тень Элиаса, огромная, неумолимо надвигающаяся, как гора.

— Талисса, мне жаль, правда, — с искренней болью в голосе произнес мужчина, — я буду проклинать себя за это до конца своих дней.

— Не становитесь убийцей и проклинать себя не придется, — с отвращением выдохнула я, ни капли не проникнувшись извращенным страданием человека с ножом в руках.

— Я не могу! — взвыл Элиас, а затем резко помрачнел, за мгновение переместившись в лицо. — Вините не меня, Талисса. Вините демона и его башню, и может, хотя бы на том свете вы сможете меня простить.

С этими словами он, будто загипнотизированный, двинулся на меня.

Сознание в панике забилось, пытаюсь найти хоть малейший шанс уклониться от неизбежного, но правда в том, что ничего противопоставить взрослому мужчине я не могла.

Лезвие занесенного надо мной ножа поймало бледный свет луны и издевательски подмигнуло бликом.

Я всегда думала, что глядя в лицо смерти смогу сохранить достоинство, принять ее с честью. Но никогда не предполагала, что у моей гибели будет человеческое лицо, что я стану жертвой не болезни или обстоятельств, а хладнокровного

убийства.

Реальность слишком сильно отличалась от того, к чему я готовилась. И когда нож начал опускаться, когда безумие полностью поглотило глаза человека, что пришел меня убить, я крепко зажмурилась и закричала.

Прошла секунда. Две. А удара так и не последовало.

И только затем я поняла, что к моему собственному крику присоединился еще один, надрывный, полный ужаса и гнева одновременно.

Он принадлежал Элиасу.

— Лучше не открывай глаза, Талисса, — произнесло мое спасение голосом Дизраэля, слишком веселого и беззаботного для ситуации, в которой мы все оказались.

А я, конечно же, его не послушала, резко распахнув зажмуренные до болезненного напряжения веки.

Глава 21

Прижавшись спиной к стене, я все еще сидела на полу, не в силах пошевелиться. Страх сковал тело, и даже сфокусировать взгляд, чтобы выхватить из полумрака возвышающуюся между мной и Элиасом фигуру демона, получилось не сразу.

Дизраэль явился не в образе человека. Он выглядел так, как в самую первую ночь, когда я появилась на пороге башни: огромный, с лезвиями смертоносных когтей на руках, с массивными рогами, венчавшими голову.

За внушительной фигурой демона я почти не видела Элиаса, лишь на мгновение мелькнуло его искаженное ужасом лицо.

Мужчина отшатнулся к двери, и маска благочестия окончательно слетела с его лица. В глазах вспыхнула ярость зверя, тонкие губы искривились в ядовитом оскале.

— Ты не имеешь права вмешиваться в испытания, тварь, — прошипел он. — Ты так и не понял, что я знаю намного больше нее?

— Какое жалкое зрелище, — со скукой произнес Дизраэль, будто любые слова Элиаса представляли собой не более чем пустой звук.

Кажется, понял это и мой сосед по башне. С еще большей злобой и ненавистью он закричал:

— Ты сам это устроил, демоническое отродье! Ты заставил меня выбирать!

Кажется, даже тени в комнате сгустились, делая фигуру демона еще выше и еще внушительней.

Повисшую напряженную тишину разорвал раскатистый потусторонний смех, будто поднявшийся из недр земли. Но на самом деле он исходил из груди Дизраэля.

— Ты провалил свое испытание, идиот, — наконец, произнес он с издевкой. — А знаешь, чем в моей башней платят за ошибку?

Элиас не успел ответить, как я не успела даже осознать смысл сказанного.

Демон с неуловимой для человеческого глаза скоростью метнулся вперед. Я не столько увидела, сколько услышала, как когти вонзаются в грудь мужчины, как с треском ломаются кости, отчего мои собственные внутренности скрутило судорогой ужаса.

Несмотря ни на что, я не смогла заставить себя закрыть глаза, хотя очень хотела.

Прежде мне не доводилось видеть смерть и насилие так близко. Оно всегда жило в словах, в историях, что рассказывали люди, а сейчас воплотилось в реальность в шаге от меня, в болезненном надрывном хрипе, с которым жизнь покидала Элиаса, не успевшего даже осознать весь ужас неизбежного.

Свет луны выхватил из полумрака его лицо, расширенные

в панике глаза, приоткрытый рот. А затем Дизраэль одним движением вырвал сердце мужчины из груди, позволив его телу мгновенно обмякнуть и с глухим стуком рухнуть на пол.

В животном ужасе я застыла, не в силах отвести взгляд от теперь пустых и остекленевших глаз Элиаса, смотревших прямо на меня.

Демон небрежно отбросил вырванное сердце в сторону и носком сапога отвернул от меня голову мужчины. Затем он сделал несколько шагов ко мне, становясь все меньше, и человечнее.

Когти и рога втянулись на глазах, пергаментная кожа посветлела и разгладилась, черные губы, искаженные улыбкой, приобрели нормальный цвет, и на корточки передо мной сел уже обычный Дизраэль, такой, каким я привыкла его видеть. Только вот рука его была по локоть в чужой крови.

— Я ведь сказал не смотреть, Талисса, — он мягко коснулся моего плеча, и от этого прикосновения я вздрогнула. Оно будто по волшебству вернуло меня в реальность, вырвав из лап оцепенения.

— Ты... ты убил его, — прошептала я, зачем-то озвучивая единственную мысль, разносящуюся по сознанию.

Дизраэль тяжело вздохнул, словно далеко не впервые оказался в такой ситуации, наверное, так оно и было. Он цепко схватил меня пальцами за подбородок, не дав отвести взгляд, и, склонив голову к плечу, вкрадчиво произнес:

— А ты предпочла бы, чтобы он убил тебя? — губы демо-

на растянулись в пугающей улыбке. — Я ведь мог вмешаться и позже, Талисса. Не раньше, чем идиот еще мог сам остановиться, но вот после — вполне.

Смысл его слов доходил до меня медленно, будто пробиваясь сквозь плотную толщу вод. Я уже более осознанно вгляделась в лицо Дизраэля, в непоколебимое золото его глаз, и только теперь поняла, что несмотря на эту пугающую улыбку, оно совершенно спокойно.

Демон не испытывал ни раскаяния, ни мук совести, но и удовольствия, радости или восторга — тоже.

На меня смотрело смертельно уставшее от своего существования создание, кажется, разучившееся испытывать настоящие эмоции, но зачем-то решившее спасти очередного заложника башни. Меня.

Мысль об этом вернула мне часть самообладания, ровно настолько, чтобы на мгновение забыть о теле, распластавшемся за спиной демона, и спросить:

— Почему ты меня спас?

Дизраэль улыбнулся еще шире, обнажая острые зубы, и неопределенно ответил:

— Кто знает? Может, и правда вынашиваю коварный план, как и пытался тебя убедить северянин? — демон приблизил свое лицо к моему, и я замерла, не способная оторвать взгляд от гипнотических глаз напротив, даже просто моргнуть не могла. — Спи, Талисса Новертон.

Голос Дизраэля стал чарующим, он проник в сознание,

обволакивая мысли, вытесняя из них все, кроме самого себя.

Попытавшись отвернуться, я поняла, что тело больше не слушается, ведомое чужой волей. Веки потяжелели, дыхание стало размеренным и глубоким, а мир перед глазами начал расплываться, теряя четкие очертания.

Обмякнув, я завалилась назад и почти ударилась затылком о стену, но демон подхватил меня, не позволив этому произойти.

— Не сопротивляйся, — прошептал он, и каждое слово в ускользающем сознании распространялось, как эхо. — Отпусти все.

Пережитый ужас отступил. Наверное, в глубине души мне и не хотелось сопротивляться чарам демона.

Они несли покой и тишину, и я позволила увлечь себя на самое дно, туда, куда не добираются не только лучи солнца, но и тревоги.

Глава 22

Не знаю, сколько времени я провела во сне, но очнувшись от него в своей постели, сразу подумала: ничего не будет как прежде.

Взгляд безразлично скользнул по комнате. Немногочисленные предметы мебелировки, как всегда, стояли не на своих местах, но это будто бы перестало иметь хоть какое-то значение. Ведь я знала, что сегодня в этой башне проснулась только я.

По сказке, которую мне так нравилось слушать в детстве, я знала, что это жестокое и опасное место. Знала, что за ошибку здесь платят жизнью. Однако все равно оказалась не готова столкнуться с реальностью.

Память как наяву воскресила весь ужас, что я испытала в попытке скрыться от Элиаса, преследующего меня с ножом в руке.

В голове никак не укладывалась мысль, что такой на первый взгляд заботливый и внимательный человек мог в конечном итоге поступить подобным образом.

Снова и снова мне мерещились шаги за дверью, казалось, будто он снова гонится за мной, в отчаянной попытке обменять чужую жизнь на счастье самого близкого человека. И невольно задумалась, как сама бы чувствовала себя на его месте.

Что, если бы башня решила заставить и меня выбирать не между собственной жизнью и исцелением племянника?

С трудом сев на кровати, я подтянула колени к груди и обхватила их руками, уставившись прямо перед собой.

Какими бы ни были причины, Элиас совершил роковую для себя ошибку, а Дизраэль спас меня, хотя по его же словам вполне мог этого не делать. Его я тоже не имею права осуждать за исполнение долга, возложенного на него этим местом.

Взгляд упал на стол, там по-прежнему лежал мой блокнот с пером.

— Мне нужно понять, что написано в том зале, — медленно произнесла я, чувствуя, насколько плохо слушаются губы.

Будто в ответ на мои слова, ночь по воле демона резко сменилась днем, словно призывая отправиться работать прямо сейчас. И я приняла решение не считать это совпадением.

В полной прострации я переоделась в платье прислуги, взяла с собой блокнот, хотя знала, что сегодня не смогу вдохнуть жизнь ни в один знак, и отправилась на семьдесят седьмой этаж.

Как ни странно, физический труд принес облегчение. С каждым сантиметром, отвоеванным у опаляющего кожу рук вещества, отступали шок и апатия.

Методичные движения рук и отрезвляющий холод воды будто помогали упорядочить хаос в сознании, заполнить об-

разовавшуюся в нем пустоту.

Полностью отдавшись процессу, я и сама не заметила, как мысли переместились в совершенно другое место, сейчас казавшееся далеким и ненастоящим, как очень приятный, но все же сон.

Мне вспомнилось, как начинался день в родном доме. Окно моей спальни выходило на восток, поэтому пробуждение наступало под игру первых рассветных лучей.

Я очень любила полежать подольше под уютным одеялом, и только когда дрема окончательно отступит, потянуться, встать, подготовиться к новому дню, а затем спуститься вниз, чтобы помочь маме готовить завтрак.

Как наяву я увидела ее нежную улыбку, за которой пряталась вечная печаль зеленых глаз. Лавиной на меня обрушилось все — запах свежей выпечки, скрип половиц наверху, тихие напевы матери у печи.

Теплое счастье, обреченное быть разрушенным в момент моей неизбежной смерти. Может, мне еще удастся вернуться туда, хотя бы ненадолго, совсем чуть-чуть успеть пожить в этом покое и горькой, но все-таки любви?

Я с оглушающей ясностью вспомнила, зачем пришла в башню. Вспомнила, как однажды осталась в тетином доме на ночь, чтобы уложить Эриана спать после наших занятий, пока его родители отлучились в гости.

Тогда он с истинно детской вовлеченностью слушал все бабушкины сказки, какие мне только удалось вспомнить, до

боли похожий на меня саму когда-то.

Племянник так впечатлился одной из историй, что твердо решил стать капитаном, когда вырастет. Он все выходные только и лепетал о том, как будет исследовать дальние берега, как смело сразится с морскими чудовищами и обязательно встретит прекрасную русалку, на которой всенепременно женится.

В отличие от меня в нем еще горела мечта о будущем, которое сможет сбыться только если я справлюсь.

Сжав крепче тряпку, будто пытаюсь вместе с водой выжать из нее остатки сомнений, я принялась тереть пол с еще большим усердием. Внезапно пришло осознание, что вчера Элиас не меня одну едва не лишил жизни.

Каким бы он ни был человеком на самом деле, что бы им ни двигало в тот момент, ничто не может оправдать готовность принести чужую жизнь в жертву. И скорее всего, именно в этом осознании заключалось его испытание, которое мужчина с треском провалил.

Следить за течением времени в башне очень трудно, но кажется, я без усталости работала больше недели, прерываясь только на сон и редкие приемы пищи. Из-за того, что даже тени на стенах не двигались, как и солнце в вечном зените, не удавалось даже понять, как долго длится «день».

Условное утро начиналось с расшифровки знаков, и весь последующий день бесконечным отмыыванием уже не пола, а стен.

Пальцы дрожали от усталости, а спина ныла от долгих часов, проведенных в полусогнутом положении, но я продолжала методично чистить зал с нечеловеческим упорством. У меня не было ни права на ошибку, ни причины отвлекаться от самого главного.

Так продолжалось и продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день все не встало на свои места во всем ужасе и искаженном уродстве ситуации.

Символ, до сих пор ускользавший от меня, стал связующим звеном, которое наполнило смыслом все письма.

Я вывела его на бумаге собственной кровью, вдохнула жизнь и понимание обрушилось на меня, складываясь в истрину фрагмент за фрагментом.

— Не может быть... — прошептала я, обмерев.

Блокнот и перо выпали из ослабевших рук, но я даже не обратила на них внимание, с ужасом обводя взглядом зал, в котором провела так много дней.

Все это место, оно представляло собой не просто самое сердце башни. В нем заключалась ее суть и причина, по которой демон обречен вечность исполнять желания людей.

Башню создали скрипторы. Больше тысячи лет назад мои предшественники решили, что вправе распоряжаться судьбой существа, чье могущество лежит за пределами их понимания. Пошли против его воли и против своей собственной совести, если она вообще у них была.

В ужасе я прижала обе ладони к губам, не зная, как быть,

как реагировать, как это все вообще понимать.

Мой мир рухнул окончательно вместе с тем, как пришло еще одно осознание.

Вещество, которое я все это время так тщательно оттирала, которое опаляло кожу рук, очерненных сетью больных вен, оно покрывало толстым слоем все в этом огромном зале — алтарь, пол, стены... все.

Это была его кровь.

Глава 23

Ноги сами несли меня к пятьдесят второму этажу, пока душу разрывал невыносимый калейдоскоп чувств.

Вся моя жизнь представляла собой одну сплошную несправедливость, и потому я как никто другой ненавидела ее. И никак не могла понять, каким образом кому-то безмерно давно хватило наглости и беспринципности превратить по собственной прихоти чью-то вечность в тюрьму человеческого эгоизма.

Лестница, казалось, никогда не кончится, дыхание сбивалось, но я упрямо продолжала идти вперед.

Во мне рождалось так много чувств, так много слов, однако все они рассыпались в прах, когда я все-таки добралась до знакомой гостиной.

Теперь она выглядела иначе, превратившись из по-своему уютного хаоса, сотканного из кусочков иных миров, в тысячелетнюю клетку, совершенную и несокрушимую.

Дизраэль, конечно же, находился там. Как и всегда, он был здесь, многие дни и года, пока люди за стенами башни рожд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.